

БУРЯ ЖНЕЦА

ТОМ 1

МАЛАЗАНСКАЯ КНИГА ПАВШИХ: СКАЗАНИЕ СЕДЬМОЕ

СТИВЕН ЭРИКСОН

Малазанская империя

Стивен Эриксон
Буря Жнеца. Том 1

«ЭКСМО»

2007

УДК 821.111-312.9(71)

ББК 84(7Кан)-44

Эриксон С.

Буря Жнеца. Том 1 / С. Эриксон — «Эксмо»,
2007 — (Малазанская империя)

ISBN 978-5-04-099682-7

Неспокойно в Летерийской империи. Рулад Сэнгар, Император Тысячи Смертей, попал под демоническую власть своего колдовского меча, который дарит ему бессмертие. Тайная полиция Патриотистов начинает чистки среди подданных. Пророки больше не могут видеть грядущее. Дворец полон заговорщиков, чиновники коррумпированы, и ими движут только личные интересы. Старая Империя на грани войны с окружающими королевствами, которые не забыли давние обиды. Великий флот эдур приближается к берегам древнего государства. Он несет бесчисленную армию со всех концов света. Среди них – два легендарных падших бойца, жаждущих скрестить мечи с проклятым Императором лично. Кровопролитие в таких масштабах не останется без ответа и может изменить судьбу мира. Брутальный роман о войне, интригах и темной, неконтролируемой магии. Самая захватывающая эпическая фэнтези, которую можно себе вообразить.

УДК 821.111-312.9(71)

ББК 84(7Кан)-44

ISBN 978-5-04-099682-7

© Эриксон С., 2007

© Эксмо, 2007

Содержание

Благодарности	6
Список персонажей	7
Пролог	12
Книга первая. Император в золоте	20
Глава первая	20
Глава вторая	38
Глава третья	54
Глава четвертая	70
Конец ознакомительного фрагмента.	74

Стивен Эриксон
Буря Жнеца. Том 1. Сказание седьмое
из Малазанской Книги Павших

Steven Erikson

Reaper's Gale: Book Seven of The Malazan Book of the Fallen

© 2007 Steven Erikson

© А. Андреев, М. Молчанов, П. Кодряной, перевод на русский язык, 2019

© Издание на русском языке, оформление. ООО «Издательство «Эксмо», 2019

* * *

Глену Куку

Список персонажей

Летери

Тегол Беддикт, нищий горожанин
Бугг, слуга Тегола
Шурк Элаль, вольная пиратка
Скорген Кабан, первый помощник Шурк
Ублала Панг, безработный тартенал-полукровка
Ормли, член гильдии крысоловов
Рукет, главный следователь гильдии крысоловов
Карос Инвиктад, куратор Патриотистов
Танал Йатванар, личный помощник Кароса
Раутос Хиванар, магистр Свободного попечительства торговцев
Венигт Сатад, главный полевой агент Раутоса
Трибан Гнол, канцлер Новой империи
Нисалл, первая наложница старого императора
Джаналл, свергнутая императрица
Турудал Бризад, бывший консорт
Джанат Анар, политзаключенная
Сиррин Канар, дворцовый стражник
Бруллиг (шайх), номинальный правитель Второго девичьего форта
Йедан Дерриг (Дозорный)
Орбин «Правдолов», командир секции Патриотистов
Летур Аникт, управитель Дрена
Биватт, атри-преда Восточной армии
Пернатая ведьма, летерийка, рабыня Урут

Тисте Эдур

Рулад, правитель Новой империи
Ханнан Мосаг, седа империи
Урут, мать императора и жена Томада Сэнгара
К'риснан, колдуны императора
Брутен Трана, эдур, придворный
Брол Хандар, наместник востока в Дрене

Появляются с Флотом Эдур

Йан Товис (Сумрак), атри-преда летерийской армии
Варат Тон, ее лейтенант
Таралак Вид, грал, агент Безымянных
Икарий, оружие Таралака
Хандари Кхалаг, военачальник тисте эдур
Томад Сэнгар, отец императора
Самар Дэв, ученая и ведьма из Семи городов

Карса Орлонг, воин тоблакаи
Таксилие, переводчик

Оул'Даны

Красная Маска, вернувшийся изгнанник
Масарк, воин из клана ренфайяров
Хадральт, вождь клана гейнтоков
Саг'Чурок, телохранитель Красной Маски
Гунт Мах, телохранительница Красной Маски
Торант, меднолицый
Натаркас, меднолицый

Беглецы

Сэрен Педак, летерийка, аквитор
Фир Сэнгар, тисте эдур
Кубышка, летерийка, сирота
Удинаас, летеиец, беглый раб
Сушенный, дух-призрак
Силкас Руин, Взошедший тисте анди

Убежище

Улшун Прал, имасс
Руд Элаль, приемный найденыш
Хостиль Ратор, т'лан имасс
Тил'арас Бенок, т'лан имасс
Гр'истанас Иш'илм, т'лан имасс

Малазанцы

Охотники за костями
Тавор Паран, командующая Охотниками за костями
Лостара Иил, помощница Тавор
Кенеб, Кулак Охотников за костями
Блистиг, Кулак Охотников за костями
Фарадан Сорт, капитан
Мадан'тул Рада, лейтенант Фарадан Сорт
Свищ, приемный сын Кенеба
Клюв, маг, подчиненный капитана Фарадан Сорт

8-й легион, 9-я рота

4-й взвод

Скрипач, сержант

Битум, капрал

Корик, сэтиец-полукровка, морпех

Улыбка, морпех

Спрут, сапер
Флакон, взводный маг
Корабб Бхилан Тэну'алас, солдат

5-й взвод

Геслер, сержант
Ураган, капрал
Песок, морпех
Курнос, тяжелый пехотинец
Смекалка, тяжелый пехотинец
Уру Хэла, тяжелый пехотинец
Поденка, тяжелый пехотинец

7-й взвод

Шнур, сержант
Осколок, капрал
Хромой, морпех
Эброн, взводный маг
Хруст (Джамбер Валун), сапер
Синн, маг

8-й взвод

Хеллиан, сержант
Неженка, капрал 1
Дохляк, капрал 2
Бальгрид, взводный маг
Тавос Понд, морпех
Может, сапер
Мазок, взводный целитель

9-й взвод

Бальзам, сержант
Смрад, капрал
Горлорез, морпех
Гальт, морпех
Лоуб, морпех
Непоседа, взводный маг

12-й взвод

Том Тисси, сержант
Тюльпан, капрал
Скат, тяжелый пехотинец
Джибб, средний пехотинец
Гнойник, средний пехотинец
Врун, средний пехотинец
Беллиг Харн, тяжелый пехотинец

13-й взвод

Урб, сержант

Рим, капрал
Масан Гилани, морпех
Таз, тяжелый пехотинец
Ханно, тяжелый пехотинец
Лизунец, тяжелый пехотинец
Воришка, тяжелый пехотинец

8-й легион, 3-я рота
4-й взвод
Правалак Римм, капрал
Мильи, сапер
Шелковый Шнурок, сапер
Мелкий, тяжелый пехотинец
Затылок, тяжелый пехотинец

5-е отделение
Бадан Грук, сержант
Драчунья, морпех
Худышка, моряк
Неп Хмурый, маг
Релико, тяжелый пехотинец
Большой Простак, тяжелый пехотинец

10-е отделение
Примли, сержант
Охотник, капрал
Малван Трус, маг
Неллер, сапер
Мертвоголов, моряк
Молния, тяжелый пехотинец

Другие

Банашар, последний жрец Д'рек
Вифал, оружейник мекросов
Сандалат Друкорлат, тисте анди, жена Вифала
Нимандр Голит, тисте анди, потомок Аномандра Рейка
Фейд, тисте анди, потомок Аномандра Рейка
Кердла, дух в теле тощей рептилии
Телораст, дух в теле тощей рептилии
Онрак, т'лан имасс, развязанный
Трулл Сэнгар, тисте эдур, отступник
Бен Адаэфон Делат, маг
Менандор, одиночница (сестра Рассвет)
Шелтана Лор, одиночница (сестра Сумерки)
Сукул Анхаду, одиночница (сестра Пятнистая)
Кильмандарос, Старшая богиня
Чик, тисте анди
Котильон, Узел, бог – покровитель убийц

Эмрот, разбитая т'лан имасс
Вал, привидение
Старый Дед Эрбат, тартенал
Умница, бывшая заключенная
Коротышка, бывшая заключенная
Пулли, ведьма шайхов
Сквиш, ведьма шайхов

Пролог

*Старший путь Куральд Эмурланн
Век раскола*

На разодранной горем земле тела шести драконов лежали в ряд, протянувшийся не меньше чем на тысячу шагов, – разорванная плоть, сломанные кости, разинутые пасти и высохшие глаза. Там, где на землю пролилась кровь, налетевшие поживиться духи угодили в ловушку: когда кровь потемнела и впиталась в безжизненную глину, смесь затвердела остекленевшим камнем, и духи, извиваясь и отчаянно завывая, были обречены провести вечность в мрачном узилище.

Обнаженная фигура шла по тропе мимо павших драконов – крупная, им под стать, но пригнувшаяся к земле; шла на двух согнутых ногах с бедрами толщиной со ствол тысячелетнего дерева. Ширина плеч – с рост таргено тоблакаи; над толстой шеей, скрытой под лоснящейся гривой черных волос, вперед выдавалась передняя часть головы – лоб, скулы и челюсть, а черные зрачки глубоко запавших глаз были окружены светящимися белками. Тяжелые бледные груди покачивались на ходу, большие кисти непропорционально длинных рук едва не скребли по земле. Фигура шла мимо гниющих останков неожиданно ловкой, текучей поступью, и в каждой конечности, похоже, таились дополнительные суставы.

Кожа цвета выбеленной солнцем кости, испещренная красными прожилками на кистях рук, синяки вокруг костяшек, сетка глубоких порезов на коже до самой кости. Кулаки ободраны от сокрушительных ударов.

Фигура подняла голову и посмотрела на трех драконов, что парили высоко в небе среди клубящихся туч, то появляясь, то исчезая в дыму умирающего владения.

Приземистая фигура сжала кулаки, и из ее горла вырвался низкий рык.

Потом она двинулась дальше. Мимо последнего мертвого дракона, к началу холмов; самый большой из них был исковеркан, словно гигантский коготь процарапал сердце склона и пробил дыру, прореху в пространстве, в которую переливчатыми струями сочилась сила. Злобность этой энергии была очевидна по тому, как она пожирала края пробоины, кислотой въедаясь в скалу и валуны древнего уступа.

Хотя тот, кто последним проходил через дыру, пытался запереть за собой врата, залечить прореху в спешке невозможно: она вновь кровотоцит.

Не обращая внимания на сочащийся из дыры яд, фигура подошла ближе. На пороге помедлила и обернулась на пройденный путь.

Драконья кровь спеклась в камень, в горизонтальные пласты, которые уже начали отделяться от окружающей земли, вставали на дыбы, образуя странные разодранные стены. Одна за другой они начали тонуть, исчезая из этого мира. Начали проваливаться, одна за другой. Чтобы появиться, в конце концов, прочными и непроницаемыми в других мирах, в зависимости от аспекта крови. Эти законы невозможно изменить. Старвальд Демелейн, кровь драконов и смерть крови.

Куральд Эмурланн, Владение Тени, первое владение, рожденное от соединения Тьмы и Света, содрогалось в предсмертной конвульсии. Далеко-далеко еще гремели гражданские войны, в других местах уже начался распад: громадные куски распадающейся ткани мира отрывались, падали и пропадали – чтобы излечиться или умереть. И все же пришлые еще появлялись там, как стервятники вокруг умершего левиафана, жадно отрывая для себя куски мира. И уничтожая друг друга в жестоких схватках вокруг останков.

Никто и представить не мог – никто, – что целое владение может погибнуть таким образом. Что злобные деяния его жителей способны уничтожить... все. Миры продолжают жить –

так считалось, так должно было быть – вне зависимости от действий тех, кто их населяет. Изодранная плоть залечивается, небо проясняется, и что-то новое пробивается из соленого ила.

Но не в этот раз.

Слишком много противоборствующих сил, слишком много предательств, слишком крупные и всепоглощающие преступления.

Фигура снова повернулась к вратам.

И Старшая богиня Кильмандарос прошла внутрь.

*Разрушенные владения к'чейн че'маллей
после падения Силкаса Руина*

Деревья потрескались от злого мороза, невидимым, но ощутимым саваном опустившегося на опустошенный лес.

Готос без труда шел по следу сражения, видя проявления атак двух Старших богов на дракона-одиночника; и ягут, проходя по полю битвы, нес с собой жестокий холод обряда Омтоз Феллак, пути Льда. *Сделка есть сделка, как ты и просил, Маэль. Запереть правду на месте, оставить ее не просто воспоминанием. До того дня, как начнет дробиться сам Омтоз Феллак.* Готос мельком подумал: а верил ли он когда-нибудь, что такое дробление не наступит? Что ягуты, во всем своем безупречном сиянии, вечно останутся единственными триумфаторами? Бессмертная цивилизация, а все остальные обречены...

Что ж, возможно. Когда-то он верил, что все сущее находится в конце концов под добрым присмотром заботливого всемогущества. *И сверчки существуют, чтобы убаюкивать нас.* И какой еще только мурой не были забиты его юношеские, наивные мозги тысячелетия назад!

Теперь, конечно, не то. Ничто не вечно. Виды вымирают. Верить во что-то иное – самоуверенность, продукт вольного эго, проклятие высшего самомнения.

Так во что я верю теперь?

В ответ он даже не позволил себе мелодраматически рассмеяться. Какой смысл? Рядом никого – никто не оценит. *Да, я обречен составлять компанию сам себе. Мое личное проклятие.*

Наилучшее.

* * *

Он поднялся по изодранному склону, по вздыбленному каменному ложу, в котором открылась громадная расщелина – ее вертикальные стены уже блестели инеем, когда Готос подошел и заглянул вниз. Внизу, в темноте, громко препирались два голоса.

Готос улыбнулся.

Он раскрыл свой Путь и с помощью небольшого осколка силы медленно, спокойно спустился на сумрачное дно расселины.

При появлении Готоса два голоса утихли, остался только скрежещущий, шипящий звук – прерывистое от боли дыхание, – и еще ягут слышал шуршание чешуи по камню где-то в стороне.

В десяти шагах за Маэлем маячила гигантская фигура Кильмандарос – ее кожа светилась болезненным светом. Она стояла, сжав кулаки, с воинственным выражением на физиономии.

Скабандари, дракон-одиночник, был загнан на дно разлома в скале и теперь припал к земле; из-за разбитых ребер каждый вздох отдавался мучительной болью. Одно истерзанное крыло еле держалось. Задняя нога была явно сломана: обломки кости продрали плоть. Полет закончился.

Двое Старших богов смотрели на Готоса, который подошел ближе и заговорил:

– Меня всегда охватывает восторг, когда предателя самого предают. В данном случае его предала собственная тупость. И мой восторг еще полнее.

Маэль, Старший бог морей, спросил:

– Готос, ритуал... завершен?

– Более-менее. – Яггут пристально посмотрел на Кильмандарос. – Старшая богиня, твои дети заплутали в этом владении.

Огромная звероподобная женщина пожала плечами и ответила тихим мелодичным голосом:

– Они всегда плутают, яггут.

– Так почему бы тебе не поправить положение?

– А тебе?

Задрав тонкую бровь, Готос обнажил клыки в улыбке.

– Кильмандарос, ты меня приглашаешь?

Она посмотрела на дракона:

– Нет времени. Мне нужно возвращаться в Куральд Эмурланн. Сейчас я его убью...

– Это необязательно, – сказал Маэль.

Кильмандарос повернулась к нему, разжала, потом опять сжала кулаки.

– Ты опять за свое, краб вареный?

Маэль пожал плечами и повернулся к Готосу:

– Объясни ей, пожалуйста.

– Какой заклад ты готов мне предложить? – спросил Готос.

– Да перестань!

– Хорошо. Кильмандарос, внутри ритуала, который сейчас опускается на эту землю, на уродливые леса и поля сражений, самой смерти не существует. Если убить тисте эдур здесь, его душа отделится от тела, но сохранит почти всю свою силу.

– Я хочу его убить, – сказала Кильмандарос негромко.

– Тогда, – Готос улыбнулся еще шире, – тебе нужен я.

Маэль фыркнул.

– Зачем же? – спросила Кильмандарос.

Яггут пожал плечами:

– Нужно приготовить Финнэст. Чтобы сковать, заключить в узилище душу этого одиночника.

– Хорошо, готовь.

– Как одолжение вам обоим? Пожалуй, нет, Старшая богиня. Как и Маэль, ты должна признать, что ты в долгу. Передо мной.

– Могу предложить кое-что получше, – сказала Кильмандарос. – Я двумя пальцами раздавлю тебе череп, а потом суну твой труп в глотку Скабандари, чтобы он подавился. Достойная кончина для вас обоих.

– Богиня, ты к старости стала еще более раздражительна и вспыльчива, – укоризненно произнес Готос.

– Ничего удивительного. Я тщетно пыталась спасти Куральд Эмурланн.

– А зачем? – спросил ее Маэль.

Кильмандарос оскалила острые зубы:

– Прецедент... нежелателен. Можешь сколько угодно прятать голову в песок, Маэль, но предупреждаю: гибель одного владения – предупреждение всем другим...

– Как скажешь, – ответил, подумав, Старший бог. – Вполне возможно. В любом случае Готос требует компенсации.

Кулаки разжались, потом сжались вновь.

– Хорошо, яггут, готовь Финнэст.

– Вот это пойдет, – ответил Готос, доставая что-то из прорехи в драной рубашке.

Два старших уставились на предмет, потом Маэль хрюкнул:

– Ага, теперь понятно. Очень странный выбор, Готос.

– Иного нет, – ответил яггут. – Ну что ж, Кильмандарос, изобрази изящный финал жалкого существования одиночника.

Дракон зашипел, вскрикнул от гнева и ужаса, увидев приближающуюся Старшую богиню. Когда она ударила кулаком в череп Скабандари, точно посередине между глаз дракона, треснувшая толстая кость зазвенела погребальной песней по всей расселине; из костяшек богини от мощного удара брызнула кровь.

Разбитая голова дракона тяжело рухнула на разбитое каменное ложе, и кровь потекла под обмякшее тело.

Кильмандарос развернулась, чтобы взглянуть на Готоса. Тот кивнул:

– Порядок, ублюдок у меня.

Маэль шагнул к яггуту, протянув руку.

– Тогда я заберу Финнэст...

– Нет.

Старшие боги уставились на Готоса, и он снова улыбнулся:

– Ваш должок. Я забираю Финнэст, душу Скабандари, себе. Теперь мы все в расчете.

Недовольны?

– И что ты намерен с ним делать? – строго спросил Маэль.

– Пока не решил, но уверяю: это будет на удивление неприятно.

Кильмандарос вновь подняла сжатые кулаки:

– Меня прямо подмывает, яггут, послать за тобой моих детей.

– Тем более печально, что они заплутали.

Оба Старших бога молча проводили взглядами Готоса. Ему всегда доставляло удовольствие обманывать дряхлых стариков со всей их древней, жестокой силой. Пусть крохотное, но удовольствие.

Наилучшее.

У разрыва Кильмандарос увидела еще одну фигуру. В черном плаще, светловолосый, он с озорным любопытством глядел на разодранную расселину.

Собрался пройти врата или ждет ее?.. Старшая богиня нахмурилась:

– Тебе нечего делать в Куральд Эмурланне, – сказала она.

Аномандр Пурейк поднял глаза:

– Думаешь, я собираюсь захватить трон?

– Ты не первый желающий.

Он снова повернулся к расселине.

– Ты осаждена, Кильмандарос, а Идущий по Граням где-то занят. Я предлагаю тебе помощь.

– Тисте анди, тебе будет трудно завоевать мое доверие.

– Это несправедливо, – ответил он. – В отличие от моих сородичей я уверен, что награда за предательство никогда не сможет перевесить потери. Сейчас помимо диких драконов есть другие одиночники, воюющие в Куральд Эмурланне.

– А где Оссерк? – спросила Старшая богиня. – Маэль сообщил мне, что он...

– Собирается снова встать у меня на пути? Оссерк думал, что я буду участвовать в убийстве Скабандари. Зачем? Вас с Маэлем более чем достаточно. – Он фыркнул. – Представляю, как кружит и кружит Оссерк, меня ищет... Идиот.

– А то, что Скабандари предал твоего брата? Не желаешь мщения?

Аномандр еле заметно улыбнулся:

– Награда за предательство. Скабандари оно обошлось дорого, правда? А Силкас... Даже Азаты не вечны. Я почти завидую новообретенной изоляции Силкаса от всего, что будет донимать нас в наступающие тысячелетия.

– Хотел бы присоединиться к нему в таком же могильнике?

– Не очень.

– Тогда вряд ли Силкас Руин простит тебе твоё безразличие, когда освободится.

– Ты, пожалуй, удивишься, Кильмандарос.

– Такие, как ты, всегда загадка для меня, Аномандр Пурейк.

– Знаю. Так что, богиня, уговор?

Она чуть склонила голову:

– Я хочу прогнать претендентов – если Куральд Эмурланну суждено умереть, пусть умрет сам по себе.

– Другими словами, ты хочешь оставить Трон Тени незанятым?

– Да.

Он подумал немного, потом кивнул:

– Согласен.

– Не обмани меня, одиночник.

– Не обману. Готова, Кильмандарос?

– Они соберут союзников. Против нас выйдут все.

Аномандр пожал плечами:

– Все равно сегодня больше нечем заняться.

Двое Взошедших прошли через ворота и вместе закрыли за собой прореху. В конце концов, в это владение есть и иные пути. Необязательно разрывы.

Появившись в Куральд Эмурланне, они оглядели загубленное владение. И принялись очищать то, что осталось.

Оул’дан, в последние дни короля Дисканара

Преда Биватт, глава гарнизона Дрена, была далеко от дома. Двадцать один день в фургоне, во главе экспедиционного отряда из двух сотен солдат Рванознаменной армии, отряда в тридцать всадников легкой кавалерии Синцевья и четырехсот человек вспомогательного персонала из штатских. Биватт, отдав распоряжения по обустройству лагеря, спешила и прошла пятьдесят с лишним шагов до края обрыва.

На краю резкий порыв ветра толкнул ее в грудь, словно хотел повалить, соскрести с этой побитой кромки земли. Расстилавшийся внизу океан казался кошмаром художника – рваный, взбаламученный морской пейзаж с тяжелыми клубящимися над головой тучами. Вода не синезеленая, а почти белая от кипящей пены, от брызг над волнами, молотящими в берег.

Озноб пронял преду до костей: это то самое место.

Рыбацкое суденышко отнесло с курса в смертельный водоворот этого уголка океана, куда ни один торговый корабль, сколь угодно большой, не сунулся бы по своей воле. Здесь восемьдесят лет назад сгинул город мекросов, разорванный на части, и ушли в пучину двадцать с лишним тысяч жителей плавучего поселения.

Экипаж рыболовного судна выжил – и протянул достаточно долго, чтобы довести разбитый корабль до мели, где глубина была всего по пояс, примерно в тридцати шагах от каменной косы. Безжалостные волны разбили судно в щепки, но четверым летерийцам удалось добраться до берега.

И найти... это.

Подтянув ремешок шлема, преда Биватт продолжала разглядывать усыпавшие берег обломки. Выступ, на котором она стояла, возвышался на три человеческих роста над белой

песчаной полосой, покрытой высохшими водорослями, вырванными с корнем деревьями и восьмидесятилетними остатками города мекросов.

Было и еще кое-что. Совсем неожиданное.

Боевые каноэ. Морские, каждый длиной с кораллового кита, с высоким форштевнем – длиннее и шире кораблей тисте эдур. Целые и сохранные, каноэ были вытащены в ряд довольно далеко на берег, причем давно – месяцы, а может, и годы назад.

К Биватт приблизился торговец из Дрена, который получил подряд на снабжение экспедиции. Бледнокожий, с мертвенно-белыми волосами. От ветра круглое лицо мужчины раскраснелось; голубыми глазами он пристально оглядел ряд боевых каноэ, тянущийся и на запад, и на восток.

– Все-таки талант у меня есть, – сказал он, стараясь перекричать бурю.

Биватт промолчала. Считать торговец умел хорошо – это он и называл талантом. Но она – офицер летерийской армии и может без его помощи оценить примерную вместимость каждого огромного судна. Сотня, плюс-минус двадцать.

– Преда!

– Что?

Торговец беспомощно махнул рукой.

– Эти каноэ. – Он показал на берег в одну сторону, в другую. – Их... – Он словно потерял дар речи.

Она прекрасно поняла и без слов.

Да. Ряды за рядами на негостеприимном берегу. Дрен, ближайший город королевства, в трех неделях пути к юго-западу. Прямо на юг лежат земли Оул'дана, и из племен, прогоняющих здесь ежегодно громадные стада, известны практически все. И летери их постепенно завоевывают. А о подобном не было никаких сообщений.

Значит, так. Недавно на этом берегу появился флот. Затем все сошли на сушу и, видимо, забрав все, что привезли, направились в глубь территории.

Должны же были быть знаки, слухи, разговоры, хотя бы среди оул. *Мы должны были слышать о них.*

Однако не слышали. Чужеземные войска просто... исчезли.

Невозможно. Как такое могло случиться? Преда снова обвела взглядом ряды каноэ, как будто надеялась, что откроется какая-то важная подробность, и сердце перестанет бешено колотиться, и уйдет охвативший ее озноб.

– Преда...

Да. По сотне на каноэ. А перед нами... в четыре, пять рядов – сколько? Четыре тысячи или пять?

Весь северный берег был покрыт серыми боевыми каноэ, сколько можно было видеть на запад и восток. Вытащенные. Брошенные. Покрывшие берег, словно топляк.

– До полумиллиона, – сказал торговец. – По моим прикидкам. Преда, куда же, во имя Странника, они отправились?

Она нахмурилась:

– Расшевелите свою магическую банду, Летур Аникт. Пусть отрабатывают заоблачную плату. Король должен знать. Каждую подробность. *Каждую.*

– Мигом, – ответил человек.

А она тем временем обратится к отряду аколитов седы. Избыточность вовсе не лишняя. Не будь при ней отборных учеников Куру Квана, она не знала бы, что утаил в окончательном отчете Летур Аникт, не могла бы отделить правду от полуправды и полной лжи. Вечная проблема с наемниками – у них есть собственные интересы; а преданность короне для таких, как Летур Аникт, новый управитель Дрена, всегда на втором месте.

Преда стала искать, где можно спуститься к воде. Она хотела поближе рассмотреть каное – ей показалось, что у некоторых разобраны форштевни. *И это очень странно. Все же тайну можно разгадать, и я займусь ею, чтобы не думать о прочем.*

«До полумиллиона».

Странник спаси, кто же рядом с нами?

Оул’дан, после вторжения эдур

Волки пришли, потом ушли, а там, где трупы были выдернуты из плотной груды – где нашли последнее пристанище безымянные солдаты, – были видны явные следы пиршества зверей. Подробности застряли в памяти одинокого всадника, чья лошадь шагала среди застывших в неуклюжих позах тел. Такое разграбление павших было... необычным. Конечно, серо-коричневые волки равнин не трусливее любых других хищников Оул’дана. И все равно долгое соседство с людьми должно было приучить зверей убежать прочь от кисловатого запаха, пусть даже он смешивается с ароматом пролитой крови. Что же тогда привлекло их на это скорбное поле брани?

Лицо одинокого всадника было скрыто под алой чешуйчатой маской; у подножия невысокого холма он натянул поводья. Его умирающая лошадь дрожала; еще до заката придется идти пешком. Сегодня утром, когда он сворачивал лагерь, рогатая гадюка ужалила лошадь, пощипывающую траву на краю канавы. Яд действует медленно, но неотвратимо, от него не спасет ни одна трава или снадобье из тех, что были у всадника с собой. Печальная потеря, но не катастрофа, ведь спешить некуда.

Стаи воронов кружили над головой, появление всадника не отпугнуло их от скорого пиршества; вид птиц над холмом и заставил его направиться сюда. Крики воронов раздавались нечасто – странно приглушенные, почти печальные.

Легионы Дрена забрали своих павших, оставив только противников – как удобрение для травы на равнине. Утренний иней, лежавший блестящими пятнами на смертельно-темной коже, уже начал таять, и казалось, что текут слезы – по застывшим лицам, из открытых глаз, из смертельных ран.

Поднявшись на стременах, всадник оглядел горизонт – насколько мог, – пытаясь увидеть двух попутчиков, однако эти жуткие существа еще не вернулись с охоты, а может быть, нашли свежий, многообещающий след к западу отсюда – след летерийских солдат из Дрена, марширующих торжественно и радостно в свой город. Если так, то сегодня еще будет бойня. Впрочем, мщение – не главное. Его попутчиков такие сантименты не посещают. Они убивают для развлечения, насколько ему известно. Так что мысли об уничтожении Дрена или о любой другой мести пришли в голову случайно. Это различие важно.

Но все равно картина получилась приятная.

Да, жертвы на этом холме – чужаки, солдаты в серой с черным форме. Они лишены оружия и доспехов, штандарты захвачены в качестве трофеев, а их появление здесь, в Оул’дане – в сердце родной земли всадника, – внушает тревогу.

В конце концов, он знал захватчиков – летери. Знал об их многочисленных легионах со своеобразными названиями, знал и о неустрашимой кавалерии Синеветвья. Знал и пока еще свободные королевства и территории, граничащие с Оул’даном: мятежный Д’рхасилхани, Керин, королевство Болкандо и государство Сафинанд – со всеми он вел переговоры или скрепчивал клинки. Эти же солдаты были ни на кого не похожи.

Бледнокожие, волосы цвета соломы или ржавчины. Глаза голубые или серые. И... *как много женщин.*

Его взгляд упал на одну из женщин, лежащую у вершины холма. Искореженные колдовством, ее доспехи сплелись с растерзанной плотью – на доспехах можно было разглядеть магические символы...

Спешившись, всадник поднялся по склону, обходя тела, скользя мокасинами по пропитанной кровью глине, и склонился над мертвой женщиной.

Рисунок на почерневшей бронзовой кольчуге: две волчьи головы. Одна с белой шерстью и одноглазая, другая – серая с черным. Этот символ прежде видеть не доводилось.

Действительно чужаки.

Пришельцы. Здесь, на его родной земле.

Под маской он поморщился. *Меня не было слишком долго. Теперь я тоже чужак?*

От тяжелого топота задрожала земля под ногами. Он выпрямился. Попутчики возвращаются.

Значит, никакой мести.

Хотя время еще есть.

Сегодня утром его разбудил скорбный волчий вой; этот зов и привел его сюда, на это место, словно они хотели свидетеля, словно в самом деле призывали его. Хотя их крики подгоняли его, ни одного зверя он так и не увидел.

Однако волки пировали сегодня утром. Выдергивали тела из груди.

Он замедлял шаги, спускаясь по склону, потом и вовсе остановился, внимательнее приглядываясь к мертвым солдатам вокруг себя.

Хищники пировали. Но не так, как волки.

Грудь разодрана, ребра проломлены... Они пожирали сердца. И ничего больше. Только сердца.

Тяжелый топот раздавался громче, ближе, когти шуршали по траве. Вороны над головой закричали, разлетаясь враспынную.

Книга первая. Император в золоте

«Ложь стоит особняком, одинокий обман повернулся к тебе спиной, откуда бы ты ни приближался с неохотой, и с каждым шагом цель все дальше, идти все труднее, путь переплетается сам с собой, идешь кругами, и то, что стояло перед тобой, как зыбкая неудача, как случайно произнесенное слово, теперь выпускает детей своих, массу, копошащуюся в нитях, в узелках и повсюду, ты не можешь отдышаться, не можешь двинуться.

Этот мир создан тобой, и однажды, мой друг, ты встанешь один посреди моря мертвых, окруженный выбором своих слов, и ветер смехом проложит тебе новый путь к бесконечной пытке – одинокий обман сам себе одиночество, ложь – это ложь, стоящая особняком, нити и узелки затягиваются в праведном осуждении, с которым ты когда-то так охотно душил любого правдолюба, любой голос несогласного.

Так утоли жажду моим сочувствием и умри, изжарившись в пустыне».

Отрывок, найденный в день, когда поэтесса Тезора Веддикт была арестована Патриотистами (за шесть дней до ее отправки на Утопалки)

Глава первая

Две силы, когда-то жестоко противостоявшие друг другу, теперь стали, по сути, сожителями, хотя трудно было решить, кто первым раздвинул ноги. Вот простые факты: изначальная иерархия племен тисте эдур прекрасно вписалась в летерийскую систему власти через богатство. Эдур стали короной, увенчавшей обрюзгшее обжорство Летера, но есть ли у короны воля? Не гибает ли она пополам своего владельца? Сейчас, по прошествии времени, другая истина становится самоочевидной. Рядом с этим внешне идеальным объединением под поверхностью произошло еще одно, более тонкое, смертельное слияние двух потоков из глубин обеих систем, и эта смесь оказалась очень капризным варевом.

Динит Арнара, «Колония, история Летера». «Династия хиротов» (том XVII)

– А этот откуда?

Танал Йатванар смотрел, как куратор не спеша крутит странную вещицу пухлыми руками, и ониксы перстней на коротких пальчиках поблескивали в лучах солнечного света, проникавшего в открытое окно. Головоломка на ладони Кароса Инвиктада представляла собой запутанный набор бронзовых штырей с загнутыми в кольца концами; переплетаясь между собой, штыри образовывали прочную клетку.

– Полагаю, из Синцевья, господин, – ответил Танал. – Из коллекции Сенорбо. Среднее время решения – три дня, хотя рекордный результат – меньше двух...

– И кто? – Карос, сидящий за столом, поднял глаза.

– Не поверите, господин, какой-то тартенал-полукровка. Здесь, в Летерасе. По общему мнению, простачок, но от природы ловко щелкает головоломки.

– И задача – передвинуть штыри так, чтобы они разом рассыпались.

– Да, господин. Насколько я слышал, необходимо совершить ровно...

– Нет, Танал, не говорите мне. Сами понимаете. – Куратор, командир Патриотистов, положил головуломку. – Спасибо за подарок. А теперь, – сказал он, слабо улыбнувшись, – как думаете, мы достаточно причинили неудобства Брутену Тране?

Карос поднялся, поправил на плечах алый шелк – единственный цвет и единственный материал, что он признавал в одежде, – потом взял в руки короткий жезл – официальный символ кабинета, из черного кровь-дерева из земли эдур с серебряными чашечками, украшенными ониксами, – и махнул в сторону двери.

Танал поклонился и первым вышел в коридор, к широкой лестнице; они спустились на первый этаж и прошагали через двойные двери во внутренний двор.

Ряд узников жарился на солнцепеке у западной стены закрытого пространства. Их вывели из клеток за удар колокола до рассвета, а сейчас уже миновал полдень. Нехватка воды и пищи, сегодняшняя иссушающая жара вкупе с жестокими допросами в течение последней недели привели к тому, что из восемнадцати арестованных половина лишилась чувств.

Танал обратил внимание, что куратор нахмурился при виде бездвижных тел, повисших на цепях.

Посредник от тисте эдур, Брутен Трана из племени ден-рата, стоял в тени, держась подальше от узников; высокая молчаливая фигура медленно развернулась к пришедшим Таналу и Каросу.

– Брутен Трана, рад приветствовать, – сказал Карос Инвиктад. – Как поживаете?

– Давайте продолжим, куратор, – проговорил серокожий воин.

– Давайте. Вместе с вами мы можем обследовать каждого из собранных тут арестованных.

Особые случаи...

– Я не собираюсь подходить к ним ближе, чем сейчас, – прервал Брутен. – Они погрязли в собственных нечистотах, а этот двор совсем не проветривается.

Карос улыбнулся:

– Понимаю, Брутен. – Он прислонил жезл к плечу и повернулся к ряду арестованных. – Вы правы, подходить ближе нам не стоит. Начну с крайнего слева, а потом...

– Он без сознания или мертв?

– Ну, отсюда и не поймешь.

Заметив, как нахмурился эдур, Танал поклонился Брутену и Каросу и прошел пятнадцать шагов к узникам. Нагнулся, приглядываясь к повисшему на цепях телу, затем выпрямился.

– Живой.

– Так растолкайте! – скомандовал Карос. Его голос, похожий на визг, мог бы заставить глупого слушателя поморщиться – глупого, разумеется, если позволит куратору заметить подобную реакцию. Так ошибиться можно было только один раз.

Танал Йатванар пинал узника, пока не раздалось сухое всхлипывание.

– Поднимайся, предатель, – негромко произнес Танал. – Куратор требует. Вставай, или я начну ломать кости в этом жалком мешке, который ты зовешь телом.

С великим трудом пленник выпрямился:

– Пожалуйста, воды...

– Больше ни слова. Стой прямо, слушай свои преступления. Ты ведь летеиец? Покажи нашему гостю эдур, что это значит.

Танал вернулся к Каросу и Брутену. Куратор продолжал объяснять:

– ...известно о связях с несогласными элементами в медицинском колледже – в этом он признался. Хотя обвинений в конкретных преступлениях ему не предъявлено, ясно, что...

– Следующий, – прервал Брутен Трана.

Карос захлопнул рот, потом сдержанно улыбнулся:

– Разумеется. Следующий – поэт, сочинивший и распространявший призывы к революции. Гордец, он ничего не отрицает.

– А тот, что рядом?

– Владелец гостиницы, в таверне которой часто собирались нежелательные элементы – по сути, разочарованные солдаты; двое из них тоже среди арестованных. О подстрекательствах нам сообщила честная шлюха...

– Честная шлюха, куратор? – Эдур чуть скривил рот в улыбке.

Карос заморгал:

– Ну да, Брутен Трана, честная.

– Потому что наступала на хозяина гостиницы?

– Он замешан в измене...

– Скорее всего слишком сильно хотел урезать ее заработки. Продолжайте, и, пожалуй, будет достаточно кратких описаний преступления.

– Разумеется, – сказал Карос Инвиктад, легонько постукивая жезлом по пухлому плечу, как будто дирижируя медленным маршем.

Танал Йатванар стоял рядом с начальником навтыажку, пока куратор продолжал перечислять проступки летерийцев. Восемнадцать арестованных – хорошая выборка из более чем трехсот, закованных в подземных клетках. Обычное число арестов за неделю, подумал Танал. А самых отъявленных изменников ждали Утопалки. Из примерно трехсот двадцати узников треть обречена на пешую прогулку по дну канала под невероятной тяжестью. Букмекеры просто выли: вообще никто не выживал после такого испытания. Разумеется, выли не слишком громко: самые оголтелые рисковали попасть на собственные Утопалки; нескольких случаев хватило, чтобы заставить остальных замолкнуть.

С таким подходом Танал соглашался – это был один из идеальных законов принуждения и контроля Кароса Инвиктада, подробно расписанных в громадном трактате, посвященном любимому предмету. «Возьми сегмент населения, задай строгие, но понятные характеристики, потом заставь их соответствовать. Подкупай слабых, чтобы они разоблачили сильных. Убей сильных – и остальные твои. Переходи к следующему сегменту».

Справиться с букмекерами было легко, поскольку их почти никто не любил – особенно заядлые игроки, коих с каждым днем становилось все больше.

Карос Инвиктад завершил перечень. Брутен Трана кивнул, повернулся и пошел прочь со двора.

Как только он скрылся с глаз, куратор повернулся к Таналу.

– Стыд какой, – сказал он, – с этими бессознательными.

– Да, господин.

– Сменить головы на стене.

– Немедленно, господин.

– Прежде всего, Танал Йатванар, идемте со мной. Это ненадолго, а потом займетесь неотложными делами.

Они вернулись в здание. Короткие шажки куратора заставляли Танала притормаживать всю дорогу до кабинета Кароса.

Второй по могуществу после самого императора человек вновь занял место за столом. Он подобрал сетку бронзовых штырей, сдвинул с десяток быстрыми точными движениями – и головоломка раскрылась. Карос Инвиктад улыбнулся Таналу и бросил игрушку на стол.

– Отправьте письмо Сенорбо в Синецветье. Сообщите ему, за какое время я нашел решение; добавьте лично от меня, что он, боюсь, теряет хватку.

– Слушаюсь, господин.

Карос Инвиктад взял свиток.

– Так какой процент мы обговорили с прибылей гостиницы «Перевернутая змея»?

– Кажется, Раутос назвал сорок пять, господин.

– Хорошо. И все равно назревает встреча с магистром Свободного попечительства. Пожалуй, в конце недели. При всех наших доходах обнаруживается странная нехватка звонкой монеты, и я хочу знать, в чем дело.

– Господин, вам известны подозрения Раутоса Хиванара по этому поводу.

– Приблизительно. Ему будет приятно узнать, что я готов выслушать его соображения. Так, получается два пункта. Организуйте встречу – от колокола до колокола – на час. Ах да, еще одно, Танал...

– Слушаю.

– Брутен Трана. Еженедельные визиты. Я хочу знать: его что, заставляют? Это у эдур какая-то форма императорской немилости или наказания? Или этих ублюдков действительно интересует, чем мы занимаемся? Брутен ничего не рассказывает, никогда. Даже не спрашивает, какое наказание получают осужденные. Может быть, нам стоит расследовать его.

Брови Танала поползли вверх:

– Расследовать тисте эдур?

– Негласно, само собой. Пусть они с виду безупречно лояльны, но не могу отделаться от мысли, действительно ли они так защищены от измены среди своих.

– В любом случае, господин, со всем почтением, разве Патриотистам...

– Патриотистам, Танал Йатванар, – резко прервал Карос, – дана императорская грамота на поддержание порядка в империи. В грамоте не делается различия между эдур и летери – только между лояльными и нелояльными гражданами.

– Да, господин.

– А теперь, насколько я понимаю, вас ждут дела.

Танал Йатванар поклонился и вышел из кабинета.

* * *

Имение располагалось на возвышенности, на северном берегу реки Летер, через четыре улицы к западу от канала Квилласа. Ступенчатые стены, обозначавшие границы, спускались к реке и продолжались в воде – на столбах, чтобы противостоять течению. Чуть дальше торчали два причальных столба. В этом году река широко разливалась. Редкость для последнего века, думал Раутос Хиванар, перелистывая летопись имения – семейный том записей и карт за полные восемьсот лет жизни Хиванаров на этой земле. Он устроился поуютнее в плюшевом кресле и, погруженный в созерцательную апатию, допил мангустиновый чай.

Домоправитель и главный агент, Венитт Сатад, тихо подошел, чтобы убрать летопись в деревянный, обитый железом ларец, хранящийся под полом у стола, потом положил на место половицы и расправил сверху ковер. Выполнив обязанности, он вернулся на свое место у двери.

Раутос Хиванар – крупный мужчина с лихорадочным румянцем и властными чертами лица – одним своим присутствием словно занимал всю комнату. Сейчас он сидел в библиотеке имения. Свитки, глиняные таблички и переплетенные книги занимали все доступное место – собранные исследования тысячи ученых, многие из которых носили фамилию Хиванар.

Как глава семьи и главный казначей громадного состояния, Раутос Хиванар постоянно был занят, и дел прибавилось после вторжения эдур – ставшего причиной создания и официального признания Свободного попечительства союза богатейших семей Летерийской империи, – да так прибавилось, как он и не ожидал. Раутос вряд ли смог бы объяснить, почему все эти дела оказались нудными и утомительными. Но все обстояло именно так: подозрения постепенно превратились в уверенность; он начал чувствовать, что где-то прячется враг – или враги, – поставивший себе единственную цель: экономический саботаж. И не простое казнокрадство, с которым он персонально был очень хорошо знаком, а нечто более серьезное, всеохватное. *Враг*. Противник всего, на чем стоят Раутос Хиванар и Свободное попечительство, где

он магистр; всего, на чем стоит сама империя – кто бы ни восседал на троне, пусть хоть даже эти дикие несчастные варвары, распушающие сейчас перья на самой верхушке летерийского общества, как серые галки на груди побрякушек.

Такое понимание могло бы разбудить внутри Раутоса Хиванара самый яростный ответ. Одной этой угрозы было бы достаточно, чтобы развернуть настоящую охоту, и агентство с такой демонической целью – агентство, ведомое, признал Раутос, самым искусным мастером, – будет подстегивать игру, пока погоня не превратится в одержимость.

Вместо этого Раутос Хиванар выискивал в пыльных книгах данные о разливах реки в прошлом, расследуя куда более приземленную тайну, которая может заинтересовать только нескольких ворчливых академиков. И это странно, частенько повторял он себе. Тем не менее избавиться от своей страсти он не мог; ночью он будет лежать рядом с недвижимой потной массой, на которой женат уже тридцать три года, а мысли будут безостановочно крутиться, борясь с потоком времени, пытаясь вернуться в прошлые века. Пытаясь найти нечто...

Вздыхнув, Раутос поставил на стол пустую чашку и поднялся.

Пока он шел к двери, Венитт Сатад, чья семья ходила в должниках у Хиванаров вот уже шесть поколений, забрал хрупкую чашку и последовал за хозяином.

Они прошли к береговому ограждению по мозаике с изображением церемонии назначения Сковела Хиванара имперским седой три века назад, потом по широким каменным ступеням к месту, которое в сухое время называлось нижней террасой сада. Сейчас здесь бурлила река, унося почву и растения, обнажая странные узоры из бульжника – мощеную дорожку, обрамленную когда-то деревянными столбами; ныне от них остались лишь гнилые пеньки, торчащие из луж.

На краю верхней террасы работники, подчиняясь указаниям Раутоса, укрепляли землю деревянными брусками, а в стороне стояла тачка, наполненная разнообразными предметами, которые обнажило наводнение. Другие находки валялись на бульжниках.

Повсюду тайна, усмехнулся Раутос. Нигде в записях не говорилось, что нижняя терраса сада была не такой, как теперь, а в заметках ландшафтного дизайнера, написанных вскоре после завершения постройки основных зданий имения, сказано, что берег на этом уровне представляет собой лишь илистые наносы древних наводнений.

Глина хранила дерево, по крайней мере до последнего времени, так что невозможно было определить время создания странной конструкции. Единственным обозначением ее древности служили предметы – все из бронзы или меди. Не оружие, что было бы обычным для могильника, а если инструменты, то для давно забытых ремесел; ни один из работников, опрошенных Раутосом, не смог догадаться о назначении предметов, не похожих ни на один известный инструмент.

Подняв некий предмет, Раутос принялся его разглядывать. Отлитый из бронзы в глиняной форме – виднелся соединительный шов, – предмет был длинный, закругленный, но согнутый под прямым углом. Насечки у изгиба образовывали сетчатую гравировку. Ни на одном конце не было никакого намека на крепление – значит, это не часть большого механизма. Раутос взвесил предмет на ладони. Несмотря на сгиб, предмет не уравнивался посередине. Раутос отложил его и взял круглую медную пластину, тоньше, чем слой воска на дощечке писца. Она почернела от контакта с глиной, и только на ободке были заметны пятна ярь-медянки. В пластинке были пробиты бесчисленные отверстия, все одинаковые, идеально круглые и ровные – не определишь, с какой стороны они пробивались.

– Венитт, – сказал Раутос, – у нас есть схема с точным указанием, где был изначально найден каждый предмет?

– Конечно, магистр, за некоторым исключением. Вы смотрели ее на прошлой неделе.

– Смотрел? Прекрасно. Вечером положи ее снова на стол в библиотеке.

Мужчины повернулись, услышав шаги привратницы, идущей по узкому проходу слева от дома. Женщина остановилась в десяти шагах от Раутоса и поклонилась.

– Магистр, вам послание от куратора Кароса Инвиктада.

– Прекрасно, – рассеянно повторил Раутос. – Сейчас прочитаю. Посыльный ждет ответа?

– Да, магистр. Он во дворе.

– Предложи ему освежающего.

Привратница поклонилась и ушла.

– Венитт, собирайся в дорогу – выполнишь мое поручение.

– Магистр?

– Куратор в конце концов понял размах угрозы.

Венитт Сатад промолчал.

– Отправишься в город Дрен. – Раутос снова бросил взгляд на таинственную конструкцию на нижней террасе. – Попечительству требуется более подробный отчет о тамошних приготовлениях. Увы, собственных посланий управителя недостаточно. И мне нужна здесь полная уверенность, если я хочу четко представлять угрозу.

Венитт опять не проронил ни слова.

Раутос взглянул на реку. В заливе на другом берегу собрались рыбацкие лодки, два торговых судна подходили к главным докам. Одно, под флагом семьи Эстеррикт, похоже, пострадало от огня. Раутос стряхнул грязь с ладоней и, повернувшись, двинулся к дому; слуга пошел следом.

– Интересно, что под этими камнями?..

– Магистр?

– Не обращай внимания, Венитт. Я просто подумал вслух.

На рассвете лагерь оул’данов атаковали два отряда синецветских кавалеристов атри-преды Биватт. Две сотни опытных копейщиков неслись, сея панику, пока фигуры выскакивали из покрытых шкурами хижин-типи, а боевые псы Дрена, появившись за мгновения до атаки, набросились на пастушьих и ездовых собак Оула; и вот уже собаки трех пород сцепились в жестокой драке.

Воины Оула оказались не готовы, и мало у кого было даже время найти оружие, прежде чем копейщики врезались в гущу противника. Через мгновения бойня расширилась, захватив стариков и детей. Большинство женщин сражались бок о бок с мужчинами – жены и мужья, сестры и братья умирали вместе в последнем кровосмешении.

Столкновение летери и оул завершилось за две сотни ударов сердца. Битва собак продолжалась гораздо дольше, ведь пастушьи собаки – пусть меньше и компактнее нападавших – быстры и столь же яростны, а ездовые собаки, приученные тянуть летом телеги, зимой сани, размерами под стать псам Дрена. Натренированные справляться с волками, ездовые собаки не уступали боевым псам, и если бы копейщики не принялись убивать пятнистых зверей, неизвестно, как повернулась бы битва. А так оул’данская свора в конце концов сдалась, выжившие бросились по равнине на восток, а несколько псов Дрена, помчавшихся в погоню, были отозваны выжлятниками.

Пока копейщики, спешившись, проверяли, чтобы среди оулов не осталось выживших, остальные отправились сгонять стада миридов и родара в долине.

Атри-преда Биватт с трудом сдерживала скакуна, ошалевшего от густого запаха крови. Рядом, неуклюже сидя в незнакомом и неудобном седле, Брол Хандар, недавно назначенный тисте эдур наместником в городе Дрене, смотрел, как летерийцы методично грабят лагерь, раздевая догола трупы и орудуя ножами. Оул’даны влетали драгоценности – чаще всего золото – в толстые косы на голове, так что летерийцам приходилось срезать скальпы, чтобы добраться до добычи. Разумеется, ими двигала не только выгода – солдаты собирали и куски кожи, покрытые

особой оул'данской татуировкой, выполненной разными цветами и часто обрамленной вшитыми золотыми нитями. Такие трофеи украшали круглые щиты многих копейщиков.

Захваченные стада принадлежали теперь управителю Дрена, Летуру Аникту; Брол Хандар, наблюдая, как сотни миридов бредут по холму, похожие из-за черной шерсти на валуны, спускающиеся по склону, понимал, что состояние управителя значительно выросло. Дальше шли родара – крупнее миридов, с синими спинами и длинношеие; длинные хвосты испуганно тряслись от боевых псов, лающих, словно нападавая.

Атри-преда зло выдохнула сквозь зубы:

– Да где этот слуга управителя?! Проклятые родара сейчас разбегутся. Лейтенант, пусть выжлятники уберут псов! Живо! – Она расстегнула ремешок, сняла шлем и повесила на луку седла. Потом взглянула на Брола. – Ну, наместник, смотрите.

– Значит, вот какие они, оулы.

Атри-преда поморщилась, глядя в сторону:

– Маленький лагерь – по их меркам. Семьдесят с чем-то взрослых.

– А стада большие.

Она нахмурилась еще сильнее:

– Когда-то были больше. Намного.

– Я так понимаю, ваша кампания успешно завершена – вы избавились от нарушителей.

– Это не моя кампания. – Словно уловив что-то на его лице, атри-преда добавила: – Да, конечно, я командую экспедиционным отрядом, наместник. Но приказы я получаю от управителя. И, говоря строго, оул – не нарушители.

– Управитель заявляет иное.

– У Летура Аникта высокое положение в Свободном попечительстве.

Брол Хандар несколько мгновений изучал женщину, затем произнес:

– Не все войны ведутся ради богатства и земель, атри-преда.

– Вынуждена не согласиться, наместник. Разве вы, тисте эдур, напали первыми не в ответ на угрозу потерять землю и ресурсы? Культурная ассимиляция – конец вашей независимости. Я не сомневаюсь, – продолжил она, – что летери хотели уничтожить вашу цивилизацию, как мы уже поступили с таргеналами и многими другими. Так что война экономическая.

– Атри-преда, меня не удивляет, что такие, как вы, придерживаются этой точки зрения. И наверняка подобные мысли посещали колдуна-короля. Мы завоевали вас, чтобы самим выжить? Возможно. – Брол собирался сказать еще что-то, но помотал головой и уставился на то, как четыре боевых пса окружили раненую пастушью собаку. Хромая тварь отбивалась, однако вскоре упала на землю и затихла, а боевые псы начали рвать ее живот.

Биватт спросила:

– Вы не задумывались, наместник, кто из нас действительно выиграл войну?

Он кинул на нее мрачный взгляд:

– Нет. Ваши разведчики, как я понимаю, не нашли больше следов оул в этом районе. Теперь управитель оформит права летери на землю обычным порядком?

Атри-преда кивнула:

– Аванпосты. Форты, мощные дороги. Потом поселенцы.

– А потом управитель устремит свои жадные взгляды дальше на восток.

– Как скажете, наместник. Но согласитесь, и тисте эдур кое-что приобретают. Территория империи растет. Уверена, император будет доволен.

Брол Хандар лишь вторую неделю был наместником Дрена. В этом отдаленном уголке империи Рулада было совсем немного тисте эдур – меньше сотни, и среди помощников Брола лишь трое происходили из его племени, из арапаев. Аннексия Оул'дана, превратившаяся в поголовный геноцид, началась годы назад – задолго до завоевания эдур, – и особенности правления в далеком Летерасе, казалось, имели мало общего с этой военной кампанией. Брол

Хандар, патриарх клана, всю жизнь добывавшего клыкастых тюленей, спросил сам себя – и не в первый раз, – что он здесь делает.

Титул наместника вроде бы предполагает всего лишь наблюдение. Настоящая власть в руках Летура Аникта, управителя Дрена, занимающего *«высокое положение в Свободном попечительстве»*. То есть в какой-то гильдии торговцев; хотя трудно понять, что в этой таинственной организации свободного. Не считая, конечно, свободы делать, что заблагорассудится, включая использование имперских вооруженных сил для добывания новых богатств.

– Атри-преда...

– Да, наместник?

– Оул'даны... они дают отпор? Нет, не как сегодня. Я хочу спросить – они организуют налеты? Собирают воинов на тропу тотальной войны?

Атри-преда смутилась:

– Наместник, тут есть два... уровня, что ли.

– Уровня?

– Официальный и... неофициальный. Это вопрос точки зрения.

– Объясните.

– Простой народ, как докладывают имперские агенты, уверен, что оул'даны заключили союзы с Ак'рином на юге, с Д'рхасилхани, с королевствами Болкандо и Сафинанд – короче, со всеми соседями империи – и создали воинственную и потенциально могучую силу – Орду Болкандского Заговора, угрожающую всем восточным территориям Летерийской империи. И только вопрос времени, когда орда полностью соберется и двинется на нас. Соответственно, любое нападение летерийской армии помогает снизить число оул'данов, которые могут выйти на бой, да и потеря ценного скота тоже ослабляет дикарей. Голод способен сделать то, на что не способен один лишь меч, – полностью уничтожить оул'данов.

– Понятно. А неофициальная версия?

Атри-преда искоса взглянула на него:

– Заговора нет, наместник. Союзников нет. Правда в том, что оул продолжают бороться со своими – у них ведь все меньше пастбищ. Ак'рин и Д'рхасилхани они презирают и в жизни, наверное, не видели никого из Болкандо или Сафинанда.

Она помолчала и продолжила:

– Мы столкнулись два месяца назад с отрядом наемников. Была жестокая схватка, которая, подозреваю, ускорила ваше назначение. Их было около семисот, а после полудюжины мелких стычек я преследовала их с отрядом в шесть тысяч летери. Наместник, мы потеряли почти три тысячи солдат в той последней битве. Если бы не наши маги... – Атри-преда покачала головой. – И мы до сих пор не знаем, кто были эти наемники.

Брол изучающе посмотрел на женщину. Он и не слышал об этом столкновении. Причина его назначения? Возможно.

– Официальная версия, которую вы изложили, оправдывает убийство оул'данов в глазах общества. Ложь на руку управителю в его желании стать еще богаче. Понятно. Скажите, атри-преда, зачем Летуру Аникту столько золота? Что он с ним будет делать?

Женщина пожала плечами:

– Золото – это власть.

– Власть над кем?

– Над всеми, над каждым.

– Кроме тисте эдур – им безразлична летерийская идея богатства.

– В самом деле? – Она улыбнулась. – До сих пор?

– Что вы имеете в виду?

– В Дрене есть хироты – вы ведь встречали их. Каждый заявляет о родстве с императором и на этом основании забирает лучшие поместья и земли. Держат сотни должников в рабах. Скоро, возможно, тисте эдур появятся и в рядах Свободного попечительства.

Брол Хандар нахмурился. На далеком гребне стояли три оульские собаки – две ездовые и одна маленькая пастушья, – наблюдая, как стада гонят по разрушенному лагерю; скот ревел от запаха пролитой крови и выпавших внутренностей.

– Я видел достаточно. – Наместник развернул коня, натянув поводья, и животное дернуло головой и захрипело. Брол еле удержал равновесие.

Если атри-преду это и насмешило, мудрость помогла ей сдержаться.

В небе появились первые стервятники.

Вдоль Южного Джаспа, одного из четырех притоков реки Летер, бегущих с Синецветских гор, по южному берегу шла мощеная дорога; вскоре она начинала долгий подъем к горному перевалу, за которым лежало древнее королевство Синецветье, ныне подчиненное Летерийской империи. Течение здесь было бурным: набравший скорость в горах поток не успевал замедлиться на огромной равнине. Ледяная вода била в громадные валуны, оставленные давно исчезнувшими ледниками, и наполняла воздух холодным туманом, который клубился над дорогой.

Одинокая фигура поджидала шестерых воинов тисте эдур, идущих во главе каравана. Незнакомец был выше любого эдур, но очень худой; он завернулся в плащ из тюленьей кожи с поднятым капюшоном. На груди пересекались перевязи для двух летерийских длинных мечей; несколько выбившихся из-под капюшона промокших белых прядей липли к воротнику.

Приближавшимся эдур-мерудам лицо под капюшоном казалось бледным, как смерть, – словно труп только что выбрался из ледящего потока; труп, давно замерзший в заснеженных горах, маячивших впереди.

Идущий впереди воин, ветеран завоевания Летераса, дал знак спутникам остановиться, а сам двинулся вперед, чтобы поговорить с незнакомцем. За ним, помимо пяти эдур, следовали десять летерийских солдат, два груженных фургона и сорок рабов, прикованных один за другим ко второму фургону.

– Ищешь компанию, – спросил меруд, сиюсь разглядеть лицо в тени, – чтобы подняться на перевал? Говорят, наверху еще хватает бандитов и дезертиров.

– Я сам себе компания.

– Тогда зачем преградил нам дорогу?

– Вы захватили двух летери два дня назад. Они мои.

Меруд пожал плечами.

– Тогда надо было приковывать их на ночь, приятель. Эти должники сбегают при первой возможности. Тебе еще повезло, что мы их схватили. Да, разумеется, я верну их. По крайней мере, девчонку; мужчина – беглый раб хиротов, судя по татуировкам. Увы, его ждут Утопалки, но я предложу другого взамен. А девочка классная. Я уверен, что ты заплатишь за ее возвращение.

– Я заберу обоих. Бесплатно.

Меруд нахмурился:

– Ты проявил беспечность, упустив рабов. Мы потрудились и снова схватили их. Соответственно, мы вправе рассчитывать на компенсацию за наши усилия, а ты должен расплатиться за беспечность.

– Освободи их, – сказал незнакомец.

– Нет. Из какого ты племени? – Глаза незнакомца, обращенные куда-то внутрь, казались совершенно... *неживыми*. – Что с твоей кожей? – *Неживыми, как у императора*. – Как тебя зовут?

– Немедленно освободи их.

Меруд покачал головой, потом рассмеялся – не очень уверенно – и, знаком подозвав спутников, начал доставать свою саблю.

Не до конца веря в абсурдный вызов, он действовал медленно. Клинок не успел целиком покинуть ножны, как один из длинных мечей незнакомца вспорол горло эдур.

С яростными криками остальные воины, достав клинки, бросились вперед; за ними поспешили десять летерийцев.

Незнакомец посмотрел, как командир эдур валится на землю; кровь хлестала в туман, опускающийся на дорогу. Потом обнажил второй длинный меч и шагнул навстречу солдатам. Сталь зазвенела, оба летерийских клинка в руках незнакомца пели, и их голос креп с каждым ударом.

Двое эдур отшатнулись одновременно, смертельно раненные – один в грудь, а второму снесло треть черепа. Солдат повернулся спиной к продолжающейся схватке, нагнулся, чтобы подобрать кусок скальпа и кости, и побрел, словно пьяный, по дороге.

Упал еще один эдур – без левой ноги. Оставшиеся два солдата отступили, крича на летерийцев, которые мялись в трех шагах позади.

Незнакомец пошел в атаку. Он парировал выпад эдур справа мечом в левой руке – лезвие мелькнуло сверху, снизу, отклонило саблю, – а потом движением кисти вырвал оружие из руки противника и тут же прямым ударом вонзил острие меча в горло эдур. Одновременно мечом в правой руке он сделал ложный выпад. Последний эдур отклонился назад, попытавшись рубануть по запястью незнакомца, однако меч ловко отразил саблю, вонзился в правую глазницу, ломая хрупкие кости, и вошел в мозг.

Шагнув между двумя падающими на землю эдур, незнакомец зарубил двух ближайших летерийцев; и тут остальные восемь бросились прочь, за фургоны, – где возникшие в панике попрыгали с облучков, – и дальше, мимо выпучивших глаза узников. Швыряя оружие, они понеслись по дороге.

Один летериец оказался слишком близко к рабу – тот подставил ногу, солдат упал, цепь закрутилась, когда раб прыгнул сверху на несчастного летерийца и, обернув цепь вокруг шеи противника, затянул ее. Солдат засучил ногами, задергал руками, царапая землю, но раб оставался неумолим, и вскоре страж затих.

Силкас Руин с поющими мечами в руках подошел к Удинаасу, вцепившемуся в труп.

– Можешь отпустить, – сказал альбинос тисте анди.

– Могу, – проговорил Удинаас сквозь сжатые зубы, – но не отпущу. Этот ублюдок был хуже всех.

– Его душа уже тонет в тумане, – сказал Силкас Руин, поворачиваясь к двум фигурам, выходящим из кустов вдоль канавы на южной стороне дороги.

– Души его, – сказала Кубышка со своего места дальше по цепи. – Это он делал мне больно.

– Знаю, – прохрипел Удинаас. – Знаю.

Силкас Руин подошел к Кубышке.

– Делал больно? Как?

– Как обычно, – ответила она. – Своей штукой между ног.

– А остальные летери?

Девочка покачала головой:

– Только смотрели. И смеялись, все время смеялись.

Силкас Руин повернулся к подошедшей Сэрен Педак.

У Сэрен мороз пробежал по коже, когда она увидела жуткие глаза тисте анди, который сказал:

– Я догоню сбежавших. Вернусь до заката.

Она отвела взгляд и обернулась на Фира Сэнгара, стоящего над телами мерудов – тисте эдур, – и тут же посмотрела на юг, где по каменной равнине все еще брел тисте эдур, потерявший треть черепа. Эта картина была такой же безрадостной.

– Хорошо, – сказала она, уставившись в конце концов на фургоны и запряженных лошадей. – Мы пойдем дальше по этой же дороге.

Удинаас, выместив, наконец, злобу на трупe лeтeрийца, поднялся.

– Сэрeн Пeдaк, a чтo c ocтaльными рабами? Их нужно освободить.

Она нахмурилась. От утомления думать было тяжело. Месяцы и месяцы они прятались, бежали, спасаясь и от эдур, и от лeтeри; их тeснили нa ceвep, и бeскoнeчный ужас, нe ocтaвлявший ee, лишил мысли oстрoты. *Освободить. Да. Но тогда...*

– Прoстo нoвыe слухи, – сaзaл Удинаас, слoвнo прoчитaв ee мысли и рaзoбрaвшись рaньше ee сaмoй. – Слухoв вce рaвнo пoлнo, они тoлькo пyтaют нaших прeслeдoвaтeлeй. Пoслyшaйтe, Сэрeн, они и тaк знaют, гдe мы – нy, бoлee-мeнee. A эти рaбы – они изo вceх сил пoстaрaются нe пoпaстьcя. Тyт oсoбeннo вoлнoвaтьcя нe стoит.

Сэрeн пoднялa брoви.

– И ты рyчaeшьcя зa cвoих пpиятeлeй-дoлжникoв, Удинаас? Чтo вce они oткaжyтcя oт вoзмoжнoсти кyпить cвoбoдy зa цeнную инфoрмaцию?

– A инaчe, – сaзaл он, глядя ей в глaзa, – пpидeтcя вceх их yбить.

Тe, ктo слышaл эти слoвa и eщe нe был зaбит дo бeсчyвствeннoгo cocтoяния, гpoмкo зaпpичитaли, oбeцaя и yмoляя, пoтянyлись к Сэрeн, гpeмя цeпями. Дpyгиe испyгaннo cмoтpeли нa нee, кaк мириды, пoчyвствoвaвшие зaпax вoлкa. Нeкoтoрыe плaкaли, пpижимaяcь к кaмeнистoй зeмлe.

– У пepвoгo эдyр, кoтoрoгo он yбил, – сaзaл Удинаас, – ключи.

Силкac Рyин шaгaл пo дoрoгe. Елe видимый в тyмaнe, тистe aнди oбoрoтилcя кeм-тo oгpoмным, кpылатым и пoднялся в вoздyх. Сэрeн взглянyлa нa рaбoв – к счaстью, никтo ничeгo нe зaмeтил.

– Лaднo, – oтвeтилa oнa Удинаасy и пoшлa тyдa, гдe Фир Сэнгaр вce eщe стoял рядoм c мepтвыми эдyр.

– Я дoлжнa взять ключи, – сaзaлa Сэрeн, нaгнyвшиcь к пaвшeмy пepвым эдyр.

– Нe трoгaй eгo, – сaзaл Фир.

Онa пoднялa гoлoвy.

– Ключи... Цeпь...

– Я сaм.

Кивнyв, Сэрeн выпpямилaсь и oтoшлa. Фир зaкoнчил бeзмoлвнyю мoлитвy, пoтoм oпyстилcя нa кoлeни рядoм c тeлoм. Он нaшeл ключи в кoжaнoм кoшeлькe нa пoяce вoинa; в этoм же кoшeлькe oбнapyжились нeскoлькo глaдких кaмeшкoв. Фир взял ключи в лeвyю рyкy, дepжa кaмeшки нa пpавoй лaдoни.

– С мepyдcкoгo бeрeгa. Нaвepнoe, пoдoбрaл их eщe рeбeнкoм.

– Дeти вырaстaют, – сaзaлa Сэрeн. – Дaжe нa пpямoм дepeвe рaстyт кpивыe вeтки.

– И чeм винoвaт этoт вoин? – Фир стрoгo взглянyл нa нee. – Он пoшeл зa мoим бpaтoм, кaк и кaждый из eгo плeмeни.

– Нeкoтoрыe в кoнцe кoнцoв oтвepнyлись, Фир.

Кaк и ты.

– Тo, oт чeгo я oтвepнyлся, лeжит в тeни тoгo, к чeмy я тeпeрь идy, aквитoр. Рaзвe этo пoзвoляeт сoмнeвaтьcя в мoей пpедaннoсти тистe эдyр? Мoим сoрoдичaм? Нeт. Вы вce снoвa и снoвa oб этoм зaбывaeтe – тaк yдoбнee. Пoйми, aквитoр, я бyдy пpятaтьcя, eсли нaдo, нo нe стaнy yбивaть сoрoдичeй. У нaс были дeньги, мы мoгли кyпить им cвoбoдy...

– Тoлькo нe Удинаасy.

Фир мoлчa oскaлилcя.

Да, Удинаас, единственный, кого ты готов убить. И если бы не Силкас Руин...

– Фир Сэнгар, – сказала она, – ты решил идти с нами, а не может быть ни малейших сомнений, что Силкас Руин – главный в нашей жалкой компании. Можешь не одобрять его методы, но лишь он доведет тебя до цели. Сам знаешь.

Воин-хирот отвел взгляд и посмотрел на дорогу, смаргивая воду с глаз.

Сэрэн протянула руку.

Фир отдал ключи.

Мы не отличаемся от этих рабов. Она взвесила в руке звенящую связку. Скованные одной цепью. И... у кого в руках наше освобождение?

– Куда он отправился? – спросил Фир.

– Преследует летерийцев. Полагаю, тут ты не станешь возражать.

– Возражать следовало бы тебе, аквитор.

Пожалуй, следовало бы. Она направилась к ожидающим рабам.

Узник рядом с Удинаасом подполз к нему поближе, и Сэрэн расслышала его вопрос:

– Тот высокий убийца – это Белый Ворон? Правда? Я слышал...

– Ты ничего не слышал, – перебил Удинаас, подставляя руки Сэрэн. – С тремя выступами, – сказал он ей. – Да, этот. Странник побери, вы не торопились.

Она возилась с ключом, пока первый замок не открылся.

– Вы двое должны были обокрасть ферму, а не попасть в лапы охотников за рабами.

– Охотники устроили там ночлег – нам кругом не повезло.

Сэрэн отперла второй замок, и Удинаас вышел из ряда, потирая красные рубцы на запястьях.

Сэрэн сказала:

– Фир хочет отговорить Силкаса. Знаешь, глядя на этих двоих, я уже не удивляюсь, что эдур и анди вечно воевали.

Они направились туда, где сидела Кубышка.

– Фир обижается, что он больше не командир, – сказал Удинаас. – А оттого что командует тисте анди, только хуже. Он до сих пор не может поверить, что давнее предательство – века назад – случилось иначе; что это Скабандари первым обнажил кинжал.

Сэрэн Педак промолчала. Остановившись перед Кубышкой, она взглянула на замызганное личико девочки; на нее смотрели древние глаза.

Кубышка улыбнулась:

– Я скучала.

– Тебе больно? – спросила Сэрэн, сняв большие кандалы.

– Ходить могу. И кровь остановилась. Это ведь хорошо, правда?

– Наверное. – Говорить об изнасиловании не хотелось – собственные воспоминания Сэрэн жгли ее постоянно. – Шрамы останутся, Кубышка.

– Быть живой тяжело. Я все время голодная, и ноги болят.

Терпеть не могу детей с тайнами – особенно если они сами про эту тайну не знают. Задавай правильные вопросы, иначе ничего не получится.

– А что еще плохо в том, чтобы быть живой, Кубышка?

И... как? Почему?

– Чувствую себя маленькой.

В руку Сэрэн вцепился старый раб, который тянулся к ключам с горестной надеждой во взоре. Сэрэн отдала ему ключи.

– Освободи остальных.

Он решительно закивал.

– Ну, – снова обратилась Сэрэн к Кубышке, – нам всем приходится со многим мириться. Жить – значит испытывать неудовольствие и разочарование.

– Сэрэн, я по-прежнему хочу раздирать глотки. Это плохо? Наверное, плохо.

После слов Кубышки старик подался в сторону, с новой силой принявшись за неподатливые кандалы. Позади него ругалась от нетерпения женщина.

Удинаас, забравшись в фургон, рылся в поисках чего-нибудь полезного. Кубышка полезла ему помогать.

– Нужно выбираться из тумана. Я промокла насквозь. – Сэрэн подошла к фургону. – Давайте живее. Если нас обнаружит другой отряд, будет плохо. – *Особенно пока нет Силкаса Руина.* Только благодаря тисте анди они до сих пор живы. Когда не удавалось спрятаться или убежать от преследователей, два его меча обретали голос, начиная жуткую песнь уничтожения. *Белый Ворон.*

Уже неделю они не видели ни эдур, ни летери, хотя бы отдаленно напоминавших охотников. Ищущих изменника, Фира Сэнгара. Ищущих предателя, Удинааса. И все же Сэрэн Педак недоумевала: за ними должны гоняться целые армии. А погоня была скорее упорная, нежели повсеместная. Силкас однажды упомянул вскользь, что к'риснан императора плетут ритуальное чародейство, помогающее расставлять ловушки. И западни поджидают их на востоке и вокруг самого Летераса. Ну, на востоке – это Сэрэн могла понять, ведь их целью в самом деле были дикие пустоши за пределами империи, где Фир – никаких объяснений, впрочем, он почему-то не давал – собирался найти то, что ищет; и Силкас Руин не разубеждал его. Однако окружать саму столицу... нет, этого Сэрэн не понимала. *Как будто Рулад боится брата.*

Удинаас спрыгнул с первого фургона и полез во второй.

– Деньги нашел, – сообщил он. – Много. Лошадей тоже надо взять: продадим их за перевалом.

– На перевале стоит форт, – сказала Сэрэн. – Может, там никого нет, но наверняка сказать нельзя, Удинаас. Если мы явимся с лошадьми и их узнают...

– Форт обойдем, – ответил Удинаас. – Ночью. Незаметно.

Сэрэн нахмурилась и вытерла влагу с глаз:

– Без лошадей проще. И потом животные старые, совсем ослабшие – от них не будет особого толку, особенно в Синецветье. А когда вернется вивал, они наверняка падут от ужаса.

– Вивал не вернется, – прохрипел Удинаас, отворачиваясь. – Вивала нет.

У Сэрэн не было оснований не верить Удинаасу, ведь именно в нем жил дух – отпрыск дракона. И все же Удинаас не объяснял, почему крылатая тварь вдруг пропала.

Удинаас, скорчившийся в фургоне, выругался.

– Ничего, кроме оружия.

– Оружия?

– Мечи, щиты и доспехи.

– Летерийские?

– Да. Второсортные.

– И что рабы делали с фургоном оружия?

Пожав плечами, Удинаас спустился на землю, прошел мимо Сэрэн и начал выпрягать лошадей.

– Бедняжки потрудились на подъеме.

– Силкас Руин возвращается. – Кубышка показала на дорогу.

– Быстро управился.

Удинаас сухо рассмеялся:

– Идиотам бы врассыпную, тогда пришлось бы по одному отлавливать. А они наверняка построились, как тупые солдаты.

Фир, стоящий у первого фургона, заговорил:

– Кровь жидкая, Удинаас?

– Как водица, – отозвался бывший раб.

Ради Странника, Фир, он же не собирался бросать твоего брата. И ты это знаешь. И не он виноват в безумии Рулада. Так насколько твоя ненависть к Удинаасу рождена виной? Кого на самом деле нужно винить за Рулада? За Императора тысячи смертей?

Тисте анди вынырнул из тумана белокожим призраком, черный плащ блестел, как змеиная шкура. Мечи вновь скрылись в ножнах, и, хотя их неутомимые стальные голоса замолкли, они будут звучать в голове много дней.

Сэрен уже ненавидела этот звук.

Танал Йатванар рассматривал обнаженную женщину на кровати. Следователи потрудились на славу, добываясь нужных ответов. Она была совершенно изломана, кожа в порезах и ожогах, суставы распухли и покрыты синяками. Ночью, когда он ее обрабатывал, она вряд ли что чувствовала. Так проще, чем со шлюхами, да и бесплатно. Он не любил бить женщин – любил смотреть на избитых. Конечно, подобные пристрастия – извращение, зато его организация – Патриотисты – просто рай для таких, как он. Власть и неприкосновенность – самое смертельное сочетание. Впрочем, похоже, Карос Инвиктад прекрасно осведомлен о ночных шалостях Танала и хранит свое знание, как припрятанный нож.

Это ведь не убийство. И она ведь даже не вспомнит. В любом случае она приговорена к Утопалкам – почему бы мне сначала не получить удовольствие? Как солдату. Танал когда-то мечтал стать солдатом – в молодости, когда его возбуждали нелепые романтические взгляды на героизм и неограниченную свободу, как будто первое оправдывает второе. В истории Летера было много благородных убийц. Например, Герун Эберикт. Он убил тысячи воров, убийц и растратчиков, порочных и нищих. Он *очищал* улицы Летераса – и разве не заслужил оправдания? Меньше попрошайек, меньше карманников, меньше бродяг и прочих ошибок новейшего времени. Танал восхищался Геруном Эбериктом – великий был человек. Пал от руки головореза – раздробили череп. Трагическая потеря, бессмысленная и жестокая.

Однажды мы разыщем того убийцу.

Танал отвернулся от бесчувственной женщины, поправил тунику, чтобы плечевые швы легли одинаково и ровно, потом застегнул оружейный ремень. Одно из требований куратора ко всем офицерам Патриотистов: пояс, кинжал и короткий меч. Таналу нравилась тяжесть клинков – власть, выраженная в привилегии носить оружие; остальным летерийцам – не считая солдат – это запрещалось указом императора.

Как будто мы можем восстать. Проклятый идиот думает, что победил в войне. Они все так думают. Тупые варвары.

Танал Йатванар вышел в коридор и двинулся к кабинету куратора. Второй колокол полудни прозвучал точно перед тем, как Танал постучал в дверь. Приглушенный голос пригласил войти.

Раутос Хиванар, магистр Свободного попечительства, уже сидел напротив Кароса Инвиктада. Большой человек как будто занимал полкомнаты, и Танал обратил внимание, что куратор отодвинул кресло назад, насколько было возможно, и оно упиралось в подоконник.

– Танал, наш гость настойчиво просит прислушаться к его подозрениям. И убедил меня приложить максимум усилий, дабы разыскать источник угрозы.

– Куратор, речь идет о предательстве, измене или мы имеем дело с воровством?

– Полагаю, с воровством, – ответил Карос, взглянув на Раутоса Хиванара.

Тот, надув щеки, медленно выдохнул:

– Я бы не был так уверен. На первый взгляд нам противостоит одержимый, охваченный жадностью и поэтому копящий богатство. Причем копящий только звонкую монету, именно поэтому так сложно отыскать концы. Никакой недвижимости, никакой показухи, никакой пыли в глаза. И вот мало-помалу стал очевиден дефицит наличности. На самом деле серьезного вреда

финансовой структуре империи не нанесено. Пока. Но если истощение продолжится, – Раутос покачал головой, – нам придется туго.

Танал прокашлялся, потом спросил:

– Магистр, вы подключили к делу своих агентов?

Раутос нахмурился:

– Свободное попечительство процветает именно потому, что все члены уверены: они являются самыми мощными игроками неуязвимой системы. Уверенность – весьма хрупкое качество, Танал Йатванар. И некоторые из тех, кто серьезно занимается финансами, поделились со мной своей озабоченностью. Например, Друз Тенникт и Барракта Илк. И хотя ясного понимания, что творится нечто опасное, еще нет, люди не дураки. – Раутос взглянул в окно за спиной Кароса Инвиктада. – Расследование должны провести Патриотисты в условиях величайшей секретности. – Глаза из-под набухших век уставились на куратора. – Я так понимаю, вы в последнее время занимались академиком и учеными.

Карос Инвиктад неопределенно пожал плечами, подняв брови.

– Измена многолика.

– И многие родом из достойных и уважаемых семей Ледера.

– Нет, Раутос, среди арестованных таких нет.

– Верно, зато у этих несчастных жертв есть друзья, куратор, которые, в свою очередь, жалуются мне.

– Мой друг, вопрос действительно деликатный. Вы шагаете сейчас по тонкому слою почвы, под которым только грязь. – Карос сел прямо, сложив руки на столе. – Тем не менее я разберусь. Возможно, последние повальные аресты успокоили разочарование в среде ученых, или, по крайней мере, самые буйные уже попались.

– Благодарю вас, куратор. Теперь кто будет вести расследование?

– Пожалуй, я сам займусь этим.

– Мой помощник, Венитт Сатад, который ожидает внизу во дворе, будет связником между вашей организацией и мной; в дальнейшем я подключу кого-нибудь еще.

– Очень хорошо. Еженедельного отчета будет достаточно, по крайней мере для начала.

– Согласен.

Раутос Хиванар поднялся, через мгновение встал и Карос Инвиктад.

В кабинете вдруг стало тесно, и Танал посторонился, сердясь на собственную робость. *Мне нечего бояться Раутоса Хиванара. И Кароса. Их наперсник, их обоих. Они мне доверяют.*

Карос Инвиктад шел позади Раутоса, положив руку ему на спину. Магистр открыл дверь и шагнул в коридор. Карос с улыбкой сказал что-то ему вслед, Раутос пробасил в ответ. Куратор закрыл дверь и повернулся к Таналу:

– Одна из очень уважаемых академиком сейчас пятнает ваши простыни, Йатванар.

Танал моргнул.

– Господин, ее приговорили к Утопалкам...

– Отмените наказание. Приведите ее в порядок.

– Господин, она ведь вполне может вспомнить...

– От вас требуется лишь немного сдержанности, Танал Йатванар, – отчеканил Карос Инвиктад. – Арестуйте дочерей тех, кто уже в цепях, чтоб вас, и развлекайтесь с ними. Вы поняли?

– Д-да, господин. Если она вспомнит...

– Тогда, несомненно, потребуется возмещение, разве нет? Я верю, что ваши финансы в полном порядке, Йатванар. А теперь убирайтесь с глаз моих!

Закрыв за собой дверь, Танал не сразу смог восстановить дыхание. *Сволочь. Ведь про нее никто не предупреждал? Так кто же виноват? А платить теперь должен я? За все? Да хоть провались, Инвиктад, я не буду отвечать один!*

Не буду.

– Есть в порочности что-то притягательное, не находишь?

– Нет.

– В конце концов, чем испорченнее душа, тем слаще заслуженное возмездие.

– Если оно приходит.

– Есть центральная точка, я просто уверен. И точка, по моим вычислениям, критическая.

Допустим, не годится сама опора.

– По каким вычислениям?

– Ну, по тем, которые я поручил тебе, конечно. Где они?

– В моем списке дел.

– А как ты вычисляешь, что из списка делать в первую очередь?

– Этих вычислений вы мне не поручали.

– Ловко. В любом случае, если он перестанет сучить ногами, мы сможем проверить мою гипотезу.

– Не перестанет, и я его понимаю. Вы пытаетесь уравновесить его на середине тела, но он устроен так, чтобы держать эту часть приподнятой, опираясь на все лапки.

– Это официальные данные? Тогда запиши.

– На чем? Воск с таблички мы съели на обед.

– То-то я корову готов проглотить и не поперхнусь... Гляди! Ага! Он сделал стойку!

Идеальную стойку!

Оба нагнулись, чтобы рассмотреть Эзгару, насекомое с головами с двух концов. Ничего необычного – таких развелось в последнее время полным-полно; они заполнили какую-то тайную нишу в сложных хитросплетениях природы, нишу, бесчисленные тысячелетия пустовавшую. Существо беспомощно дергало тонкими ломкими лапками.

– Вы его мучаете, – сказал Бугг. – И мучаете со всей порочностью, Тегол.

– Так только кажется.

– Да нет, так оно и есть.

– Ну ладно. – Тегол снял несчастное насекомое с опоры. Эзгара крутил головами. – В любом случае, – продолжил Тегол, разглядывая существо, – я говорил о другой порочности. Кстати, как движется строительство?

– Идет ко дну.

– Ты хвастаешься или публично объявляешь о нищете?

– Не осталось покупателей. Звонкой монеты нет, а в кредит уже сам не желаю, особенно когда выясняется, что застройщик не может продать недвижимость. Так что я вынужден отказывать всем, даже себе.

– И когда все это произошло?

– Завтра.

– Ну конечно. Я всегда узнаю последним. Эзгара голодный, как думаешь?

– Он съел воска больше вас – куда, по-вашему, деваются отходы?

– Его или мои?

– Хозяин, я уже знаю, куда деваются ваши, – и если узнает Бири...

– Больше ни слова, Бугг. По моим наблюдениям и в соответствии с вычислениями, которых ты не сделал, Эзгара съел столько, сколько весит утопший кот. И остается маленьким, живым, подтянутым, а еще благодаря нашему сегодняшнему восковому обеду он больше не скрипит, когда крутит головами, – по-моему, это добрый знак, поскольку теперь нам не придется вскакивать по сто раз за ночь.

– Хозяин...

– Что?

- Откуда вы знаете, сколько весит утопший кот?
- От Селуш, конечно.
- Не понимаю.
- Ну, вспомни. Три года назад. В имении Риннециста поймали одичавшего кота, который задрал нелетающую декоративную утку. Его приговорили к Утопалкам.
- Ужасная смерть для кота. Да, припоминаю. Вой был слышен по всему городу.
- Да, тот самый. Какой-то неназванный благотворитель пожалел промокший кошкин труп и заплатил Селуш небольшое состояние, чтобы подготовить животное к достойным похоронам.
- По-моему, вы сошли с ума. Кто такое затеет и зачем?
- Очевидно, с прицелом на будущее. Разумеется, я хотел выяснить, сколько весит утопший кот. А иначе как можно использовать такое сравнение? Можно сказать, я много лет ждал, чтобы его применить.
- Три.
- Нет, гораздо дольше. Отсюда и мои странности, и моя беспринципность. До того, как кот утонул, я боялся употреблять это сравнение: ведь без доказательств с моей стороны оно могло вызвать насмешки.
- Вы ранимый, да?
- Никому не говори.
- Хозяин, по поводу хранилищ...
- А что с ними?
- Я думаю, потребуются дополнительные.
- Тегол кончиком указательного пальца гладил насекомое по спинке – хотя, возможно, так сказать, против шерсти.
- Уже? Так, а сколько ты прошел под рекой?
- Дальше середины.
- И сколько их?
- Хранилищ? Шестнадцать. Каждое три человеческих роста на два.
- Все полные?
- Все.
- Ага. Значит, начинает сказываться.
- «Строители Бугга» станут первой крупной компанией, которая рухнет.
- И сколько еще потянет за собой?
- Неизвестно. Три, может, четыре.
- Ты же вроде сказал: неизвестно.
- Тогда никого не извещайте.
- Хорошая мысль. Бугг, я хочу, чтобы ты сделал для меня ящик с очень специфическими спецификациями, которые сообщу позже.
- Ящик, хозяин. Сосна пойдет?
- То есть? Почему со сна?
- Нет! Сосна, ну, которая горит!
- Да, со сна и сосна пойдет.
- Клееный?
- Именно. Только без крышки.
- Наконец-то. Начались подробности.
- Я же обещал.
- А для чего ящик, хозяин?
- Увы, пока никаких подробностей. Понадобится скоро.
- А насчет хранилищ...

– Сделай еще десяток, Бугг. Размеры удвой. Со «Строителями Бугга» повремени, копи долги, скрывайся от кредиторов, продолжай приобретать материалы и храни их на складе за непомерную цену. Трать, сколько сможешь.

– У меня голова отвалится.

– Не беспокойся. У Эзгары найдется лишняя.

– Вот спасибо.

– И она даже не скрипит.

– Приятно слышать. А что это вы делаете, хозяин?

– А на что похоже?

– Вы возвращаетесь в постель.

– А тебе нужно строить ящик, Бугг, очень хитрый ящик. Главное, помни: без крышки.

– Могу я все-таки узнать, зачем он?

Тегол улегся в постель, уставился в синее небо над головой, потом улыбнулся слуге – кстати сказать, Старшему богу.

– Для заслуженного возмездия, Бугг, для чего же еще?

Глава вторая

Миг пробуждения ожидает нас всех на пороге или на повороте пути, если жизнь тянется, налетает, словно мотылек, на эту узкую полоску времени, играющую, как солнечные лучи на волнах; мы сожжемся в комок, пронизанный страхом и простреленный всем, что стало вдруг ценным, и настоящее пропадает, и давит собственный вес, и в этот день, на повороте пути, настает миг пробуждения.
Корара из Дрена, «Зимние размышления»

Подъем к вершине начинался там, где обрывалась проложенная летери дорога. Грубые булыжники упирались в осыпь черных камней, шагах в пятнадцати от говорливой реки слева, оглушающей нескончаемым ревом. Выкорчеванные деревья тянули сквозь камни гнутые переплетенные ветви – выпирающие конечности, из них торчали корневые отростки, с которых капала вода. На другом берегу реки лес полосами карабкался на северный склон, а на этом рваные скалы, добравшиеся до воды, позеленели ото мха. На горе, изрезанной кружевом трещин, деревьев почти не было.

Сэрэн Педак предположила, что весь склон горы когда-то занимал город, вертикальная крепость, вырезанная прямо в скалах. Ей казалось, что можно различить большие зияющие окна и выступы бывших балконов – высоко, в тумане. Но что-то громадное и ужасное в своей ярости разбило весь склон, разрушив большую часть города одним ударом.

Они стояли у начала тропы. Сэрэн видела, как безжизненные глаза тисте анди медленно ощупывают подъем.

– Ну? – спросила она наконец.

Силкас Руин покачал головой:

– Это не наш. Его построили к'чейн че'малли.

– Жертвы вашей войны?

Силкас перевел взгляд на нее, словно оценивая скрытый смысл вопроса.

– Большинство гор, из которых к'чейн че'малли резали летучие крепости, теперь скрыты волнами – они затоплены после таяния Омтоз Феллака. Города высечены в скалах, хотя только самые старые похожи на то, что ты видишь здесь: открытые взорам, а не спрятанные в глубине бесформенного камня.

– Перестройка потребовалась внезапно, как самозащита.

Он кивнул.

Мимо них прошел Фир Сэнгар и начал восхождение; к нему присоединились Удинаас и Кубышка.

Сэрэн победила в споре, и лошадей оставили на месте. На ровном участке справа стояли четыре фургона, покрытых брезентом. Такому транспорту, конечно, не одолеть здешний подъем. А оружие и доспехи или нужно припрятать здесь до появления транспортной бригады, или рабам придется впрячься, как мулам.

– По этому перевалу я не ходила, – сказала Сэрэн, – однако горы видела, издалека. И даже тогда замечала следы перестройки. Я спросила однажды Халла Беддикта, но он ничего не стал рассказывать. Впрочем, думаю, в какой-то момент наш путь приведет нас внутрь.

– Этот город разрушило грозное чародейство, – сказал Силкас Руин.

– А может, какое-то природное явление...

– Нет, аквитор. Это Старвальд Демелейн. Разрушения произведены драконами. Чистокровными элейнтами. Не меньше дюжины работали вместе, объединив свои Пути. Необычно, – добавил он.

– Чем именно?

– Во-первых, очень большой союз. А еще небывалая ярость. Интересно, что же натворили к'чейн че'малли, чем они заслужили такую расплату?

– Я знаю ответ, – раздался у них за спиной шипящий шепот, и Сэрен обернулась, прищурившись на скорчившегося духа.

– Сушенный!.. А я-то гадала, куда ты пропал.

– Путешествовал в сердце камня, Сэрен Педак. В застывшей крови. Что они натворили, ты хочешь знать, Силкас Руин? Ни много ни мало собрались уничтожить все сущее. Раз их ждало вымирание, так пусть гибнут и остальные. Отчаяние или дикое зверство? А может, ни то, ни другое, а просто несчастный случай. Да какая разница? Мы все равно станем прахом. Безразличным. Бесчувственным.

Силкас Руин, не оборачиваясь, сказал:

– Бойся стылой крови, Сушенный. В нее еще можно влипнуть.

Дух шелестяще рассмеялся:

– Как муравей в смолу, да. Но это весьма соблазнительно, хозяин.

– Я предупредил. Если попадешься, освободить тебя я не смогу.

Дух проскользнул мимо, перетекая по изломанным ступенькам.

Сэрен поправила на плечах лямки кожаного мешка.

– Фенты носят припасы на голове. Хотела бы я так уметь.

– Позвонки сдавливаются, – ответил Силкас Руин. – И постоянно болят.

– Ну, мои и без того разваливаются, так что, боюсь, мне уже все равно. – Она пошла вверх по тропе. – Кстати, ведь ты, как одиночник, мог бы просто...

– Нет. – Силкас двинулся следом. – В образе дракона слишком сильна жажда крови. Драконий голод живет во мне там же, где и гнев, а этот гнев не так легко сдержать.

Сэрен не удержалась и фыркнула.

– Тебя это забавляет, аквитор?

– Скабандари мертв. Фир видел его разбитый череп. Ты получил удар кинжалом и был заточен, а теперь свободен, и все, что тебя гложет, – это жажда мести? Кому? Какой-то бестелесной душе? Чему-то, что меньше тени? Силкас Руин, твоя одержимость жалка. Фир Сэнгар хотя бы ищет что-то позитивное – вряд ли найдет, поскольку ты, наверное, уничтожишь то, что осталось от Скабандари, не дав Фиру поговорить с ним, если такое вообще возможно.

Силкас Руин ничего не сказал, и Сэрен продолжила:

– Похоже, отныне я обречена водить таких гостей. Совсем как мое последнее путешествие, приведшее меня в земли тисте эдур. Все враждуют, плетут интриги и воюют. Мое дело сторона: доставить дураков и отойти подальше, когда засверкают клинки.

– Аквитор, мой гнев гораздо сложнее, чем ты представляешь.

– И что это значит?

– Твоя картина будущего слишком проста, слишком ограничена. Подозреваю, что, когда мы доберемся до цели, все пойдет не так, как ты ожидаешь.

Она фыркнула:

– Соглашусь, ведь, без сомнения, так и было в деревне колдуна-короля. В конце концов все привело к завоеванию Летерийской империи.

– Ты считаешь себя виновной, аквитор?

– Моей вины в том почти нет, Силкас Руин.

По крутым шербатым ступенькам идти было небезопасно. По мере подъема воздух становился более разреженным, от водопада спускался туман, среди камней разносился рокот эха. Там, где древние ступеньки окончательно пропали, у крутой угловатой скалы были устроены мостки.

Примерно на трети подъема они обнаружили уступ, на котором решили передохнуть. Среди россыпи булыжников нашлись остатки карнизов и фризов со следами резьбы, разобрать

которую не представлялось возможным – значит, когда-то прямо над ними был целый фасад. Мостки превратились в настоящие ступени, а по правую руку виднелся проход в пещеру, прямоугольный, словно настоящая дверь.

Удинаас долго стоял, разглядывая темный портал, затем повернулся к остальным.

– Думаю, стоит попробовать.

– Не нужно, раб, – ответил Фир Сэнгар. – Тропа дальше идет прямая и надежная...

– И чем выше, тем больше льда. – Должник поморщился, потом рассмеялся. – Ну, конечно, песни должны петься, правда, Фир? Опасности и бедствия, славные страдания – все для достижения героической победы. Вы хотите, чтобы старцы, что были когда-то вашими внуками, собрали клан у костра, дабы поведать легенду о вас, легенду о долгом странствии одинокого воина к своему богу. Прямо слышу, как они описывают грозного Фира Сэнгара из племени хиротов, брата императора, и его верных спутников: потерянное дитя, опытный проводник-летерийка, призрак, раб и, конечно же, белокожий мститель. Полный набор архетипов, правда? – Удинаас достал из заплечного мешка мех для воды, сделал большой глоток и вытер губы тыльной стороной ладони. – Но представьте, что все это пойдет прахом, если вы сорветесь со скользкой ступеньки и пролетите пятьсот человеческих ростов к бесславной гибели. В легендах так не бывает, но ведь жизнь, увы, не сказка, правда? – Он убрал мех и закинул кожаный мешок на плечи. – Озлобленный раб выбирает другой путь к вершине, вот дурак. Хотя... – Он помолчал и улыбнулся Фиру. – В любом сказании должен заключаться моральный урок, да?

Удинаас немного прошел наверх, оказавшись напротив входа в пещеру, протянул руку, ухватился за край камня, уперся мыском мокасины в край уступа. Затем, оттолкнувшись от ступенек, он плавно развернулся на одной ноге, второй махнув в воздухе. И, затянутый весом заплечного мешка, очутился в пещере.

– Ловко, – похвалил Силкас Руин довольным голосом, словно ему понравилось, как раб прошелся по чванливому самодовольству Фира Сэнгара, перевернув все вверх ногами. – Я собираюсь последовать за ним.

– И я, – сказала Кубышка.

Сэрэн Педак вздохнула:

– Хорошо, только я считаю, нам нужно обвязаться веревкой, а геройствует пусть Удинаас.

Пещера оказалась коридором, вероятно, ведущим когда-то к балкону – до того, как рухнул фасад. Массивные стены, покрытые трещинами, сдвинулись, нависая под странными углами. И каждая щель, каждая трещина кишела мохнатыми телами летучих мышей, разбуженных вторжением, пищущих и в любой момент готовых сорваться с места.

Сэрэн опустила мешок на землю. Мимо прошел Удинаас.

– Вот, – сказал он, выдохнув облачко пара. – Зажгите лампу, аквитор, от холода у меня руки коченеют. – В ответ на ее взгляд он покосился на Фира Сэнгара и пояснил: – Слишком много лет окунал руки в ледяную воду. У эдур рабам не слишком уютно.

– Тебя кормили, – сказал Фир Сэнгар.

– Когда в лесу падало кровь-дерево, – ответил Удинаас, – нас посылали приволочь его в деревню. Помните те времена, Фир? Иногда ствол вел себя предательски – то в грязи заскользит, то еще что, – и раба давило. Давило рабов и из вашего дома – вы ведь их и не вспомните, да? Подумаешь, мертвый раб! Когда такое случалось, вы, эдур, кричали, что дух кровь-дерева возжаждал летерийской крови.

– Хватит, Удинаас, – сказала Сэрэн, сумев наконец зажечь лампу. Как только огонек разгорелся, летучие мыши рванулись из щелей, и воздух внезапно наполнился неистовым хлопанием крыльев. Через дюжину ударов сердца твари улетели.

Сэрэн выпрямилась и подняла лампу. Они стояли на толстой грязной подушке – гуано кишело червями и жуками и издавало аромат разложения.

– Лучше убраться отсюда, – сказала Сэрен. – Тут зараза...

Мужчина кричал, пока стража волокла его за цепи через двор к стене с кольцами. Разбитая нога оставляла кровавые следы на брусчатке. По двору разносились громкие обвинения и жалобы на устройство мира – летерийского мира.

Танал Йатванар негромко хмыкнул:

– Только послушайте. Какая наивность!

Карос Инвиктад, стоящий рядом на балконе, смерил Танала резким взглядом:

– Вы глупец, Танал Йатванар.

– Куратор?

Карос Инвиктад оперся предплечьями на перила и посмотрел вниз на узника. Пухлые, как ручейники, пальцы медленно переплелись. Где-то над головой хохотала чайка.

– Кто представляет главную угрозу для империи, Йатванар?

– Фанатики, – почти сразу отозвался Танал. – Такие, как тот внизу.

– Неверно. Прислушайтесь. Он одержим, он убежден. Он обладает четким взглядом на мир, это человек, знающий правильные ответы. Гражданина с принципами, Йатванар, можно поколебать, развернуть, можно превратить его в самого верного союзника. Только и нужно – найти, что его пугает. Воспламени его страх, сожги дотла основание его убежденности, а потом предложи такой же четкий способ мышления, новое видение мира. Он потянется к тебе, как ни была бы широка пропасть, и всеми силами уцепится за тебя. Нет, наши враги – не убежденные. Они временно заблуждаются. Лишите их комфорта убеждений, внушите им другие принципы – неоспоримые и разумные, – и они падут вам в объятия.

– Ясно.

– Танал Йатванар, наши главные враги – те, у кого убежденности нет. Те, кто задает вопросы, а наши аккуратные ответы встречает с неизменным скепсисом. Их вопросы нас подтачивают. Они... вызывают волнения. Эти опасные граждане понимают, что все не так просто; их позиция не имеет ничего общего с наивностью. Они унижены двусмысленностью того, что видят вокруг, и оспаривают наши простые, успокаивающие заявления о ясности, о черно-белом мире. Если захотите смертельно обидеть такого гражданина, Йатванар, назовите его наивным. Он придет в ярость, он просто потеряет дар речи... Он спросит себя: это кто же называет меня наивным? Ага, ясно, человек, одержимый убежденностью и надменный; его положение позволяет ему выносить бесцеремонные суждения, выдавать издевательские характеристики с заоблачной высоты. И тогда в глазах вашей жертвы мелькнет огонек понимания – в вас он увидит врага, своего настоящего врага. И ощутит страх. Ужас.

– Напрашивается вопрос, куратор...

Карос Инвиктад улыбнулся:

– Одержим ли я убежденностью? Или меня точат вопросы и сомнения?.. Я убежден лишь в одном. Власть меняет лицо мира. Сама по себе она ни добра, ни зла; власть – просто средство, с помощью которого ее носитель изменяет все вокруг, изменяет для собственного... комфорта. Конечно, проявлять власть – значит осуществлять тиранию, хоть очень деликатную и мягкую, хоть злобную и жесткую. Сама власть – в политике, в семье, где угодно – содержит в себе угрозу насилия. Против тех, кто выбрал сопротивление. И помните вот что: если насилие возможно, оно *осуществится*. – Куратор протянул руку. – Послушайте: этот несчастный делает за меня мою работу. Там, в подземельях, сокамерники слышат его бред и некоторые подхватывают – этих стража заносит в список. Список я проверяю ежедневно – именно их я смогу завоевать. Те, кто молчит или отворачивается, попадают в другой список – они обречены на смерть.

– И поэтому, – протянул Танал, – мы позволяем ему орать...

– Да. Ирония в том, что он и впрямь очень наивен, но не так, как вы имели в виду. Его твердая убежденность говорит о блаженной невежественности. И еще больше иронии в том,

что оба крайних крыла политического спектра сходятся в средствах и методах; очень многое их объединяет – жестокость к колеблющимся, кровь, которую они готовы пролить за «правое» дело, защита своей версии реальности. Ненависть, которую они выказывают тем, кто проявляет сомнения. Скептицизм, в конце концов, прикрывает презрение, а нет раны глубже и кровавее, чем когда тебя презирает кто-то, у кого нет никаких убеждений. И вот мы, те, кто придерживается убеждений, Йатванар, видим своей задачей выкорчевать и уничтожить этих вопрошателей. И какое же удовольствие мы при этом получаем...

Танал Йатванар молчал, охваченный подозрениями.

Карос Инвиктад продолжил:

– Вы поторопились с суждением, не так ли? Ах, вы слишком многое выдали высокомерными речами. И меня, признаюсь, позабавил мой же собственный инстинктивный ответ на ваши слова. *Наивный*. Странник меня побери, я хотел оторвать вам голову, как болотной мухе. Я хотел выказать вам настоящее презрение. Мое. К вам и таким, как вы. Я хотел стереть пренебрежительное выражение с вашей физиономии и прокрутить его через мясорубку. Думаете, у вас есть все ответы? Видимо, да, судя по тому, с какой легкостью вы выдаете суждения. Жалкая мелкая сошка! Однажды неуверенность явится на ваш порог, нырнет вам в глотку, и вам останется ждать и гадать, что придет раньше – смирение или смерть. В любом случае я мимоходом пожалею вас – именно это нас различает, не так ли? Пришла посылка, да?

Танал моргнул. *Смотри-ка, как всех нас мучит жажда крови*. Потом кивнул.

– Да, куратор. Новая головоломка для вас.

– Прекрасно. От кого?

– Анонимно.

– Очень любопытно. Что это – часть тайны или страх оказаться смешным, когда я решу ее после недолгого размышления? Где она?

– Уже должны были доставить вам в кабинет, господин.

– Хорошо. Пусть этому человеку дадут кричать до вечера, а потом снова отправят вниз.

Танал поклонился вслед уходящему с балкона Каросу. Подождал сотню ударов сердца и тоже ушел.

Вскоре по винтовой каменной лестнице он спустился на нижний этаж древнего подземелья и пошел по коридору к камерам, которыми не пользовались веками. Последние наводнения затопляли этот этаж и тот, что над ним; впрочем, с тех пор вода ушла, оставив толстые наносы ила и устойчивый запах гнили. Держа в руке лампу, Танал Йатванар по наклонному проходу добрался до бывшей главной допросной палаты. Загадочные, проржавевшие устройства стояли на мощеном полу или крепились к стенам; похожая на кровать клетка свисала на цепях с потолка. Прямо напротив входа стояло клинообразное устройство, снабженное наручниками и цепями, которые можно было туго натягивать с помощью храповика сбоку. К наклонному ложу, лицом к палате, была прикована та самая женщина, которую ему велели выпустить.

Она бодрствовала и отвернулась от внезапного света.

Танал поставил лампу на стол, заваленный пыточными инструментами.

– Кормежка, – сказал он.

Женщина ничего не ответила.

Уважаемый академик. Только посмотрите на нее.

– Все ваши высокие слова, – произнес Танал, – стоят меньше, чем пыль на ветру.

Женщина отозвалась хриплым голосом:

– Ты однажды подавишься этой пылью, человечиска.

– Человечиска? – Танал улыбнулся. – Хочешь ранить меня... Жалкая попытка.

Он подошел к сундуку справа у стены. Раньше там держали шлемы-тиски, но Танал, убрав орудия пыток, наполнил сундук флягами с водой и сушеными продуктами.

– Надо будет принести ведра с мыльной водой, – сказал он, доставая ужин для пленницы. – Ты не можешь не испражняться, а вонь и грязь ужасные.

– Ой, я тебя обижаю, да?

Он взглянул на нее и улыбнулся:

– Джанат Анар, старший преподаватель Имперской Академии наук, ты, похоже, не выучила ничего об империи. Хотя можно возразить, что здесь у тебя знаний прибавилось.

Женщина изучала его странно тяжелым взглядом:

– От Первой империи и до наших дней, человечиска, бывали времена открытой тирании. То, что нынешние угнетатели – тисте эдур, вряд ли многое меняет. В конце концов, главное угнетение идет от вас. Летери против летери. Более того...

– Более того, – передразнил ее Танал, – Патриотисты – милосердный дар летери самим себе. Лучше мы, чем эдур. Мы не производим арестов без разбора; мы не наказываем непричастных; мы не действуем наобум.

– Дар? Сам-то ты веришь в это? – спросила женщина, не сводя с него глаз. – Все равно эдур до нас нет никакого дела. Их вождя нельзя убить, и поэтому их владычество абсолютно.

– Высокопоставленные тисте эдур общаются с нами почти ежедневно...

– Чтобы держать в узде. Тебя, Танал Йатванар, а не твоих узников. Тебя и этого недоумка, Кароса Инвиктада. – Она наклонила голову. – Интересно, почему такой организацией, как ваша, управляют люди-неумехи? Слабоумные психи. Которых, без сомнения, в детстве унижали ровесники. Или мучили родители-извращенцы – я уверена, ты скрываешь много постыдных тайн из несчастной юности. А теперь власть у тебя в руках, и страдать придется остальным.

Танал подошел с пищей и фляжкой воды.

– Ради Странника, – сказала женщина. – Освободи мне хотя бы одну руку, чтобы я сама поела.

Он подошел ближе.

– Унижает, что тебя кормят, как младенца?

– Чего ты хочешь? – спросила Джанат, когда он откупорил фляжку.

Танал поднес горлышко фляжки к потрескавшимся губам женщины и смотрел, как она пьет.

– А я вроде не говорил, что чего-нибудь хочу.

Женщина повернула голову, закашлялась; вода потекла по подбородку.

– Я во всем призналась, – сказала она. – У тебя все мои записи, мои предательские лекции о личной ответственности и необходимости сострадания...

– Да, моральный релятивизм.

– Я опровергаю все идеи релятивизма, человечиска, – и ты бы это знал, если бы потрудился прочитать записи. Культурные структуры не обходят стороной и не оправдывают самоочевидную несправедливость или неравенство. Статус-кво не священен, это не алтарь, который нужно омыwać потоками крови. Традиция и привычка – неубедительные доводы...

– Белый Ворон! Женщина, ты и вправду лектор. Мне больше нравилось, когда ты была без сознания.

– Тогда лучше снова забей меня до бесчувствия.

– Увы, не могу. Вообще-то я должен тебя освободить.

Женщина бросила на него быстрый взгляд, затем вновь отвернулась.

– Надо быть осторожней, – пробормотала она.

– То есть? – спросил Танал.

– Я чуть не поддалась. Искушение надеждой. Если бы ты должен был меня отпустить, то ни за что не принес бы меня сюда. Нет, я твоя личная жертва, а ты мой личный кошмар. В конце концов тебя ждут такие же цепи, как на мне.

– Психология человеческого мышления, – сказал Танал, запихивая кусок смоченного в жире хлеба женщине в рот. – Твоя специальность. Значит, можешь читать мою жизнь легко, как свиток. Я должен испугаться?

Женщина прожевала хлеб и с усилием проглотила.

– Я владею гораздо более смертельным оружием, человечешка.

– И что же это?

– Я проникаю тебе в голову. Я смотрю твоими глазами. Плыву в потоке твоих мыслей. Я стою, глядя на грязное существо, прикованное к ложу насилия. И наконец я начинаю понимать тебя. Это гораздо интимнее, чем любовь, человечешка, потому что у тебя не остается секретов. И если тебе интересно, то я и сейчас слушаю свои слова твоими ушами, ощущаю холодок, бегущий по коже, испарину, выступившую на груди. Внезапный страх, когда ты понял всю свою уязвимость...

Танал ударил ее. Сильно, так что голова мотнулась в сторону. Кровь хлынула изо рта женщины. Она кашлянула, плюнула – раз, второй, тяжело дыша и булькая.

– Продолжим обед позже. – Танал пытался говорить спокойно. – Думаю, в ближайшие дни и недели ты будешь вопить, Джанат, но уверяю тебя, твоих криков никто не услышит.

Послышался странный кашляющий звук.

Через мгновение Танал понял, что женщина смеется.

– Эффектная бравада, – сказал он искренне. – В итоге я действительно могу тебя отпустить. Хотя пока не решил. Думаю, ты поняла.

Она кивнула.

– Заносчивая сука, – выругался Танал.

Женщина снова засмеялась.

Танал пошел прочь.

– И не мечтай, что я оставлю лампу, – прорычал он.

Ее смех преследовал его, звеня, как разбитое стекло.

Богато украшенный экипаж, блестя отделкой из кровь-дерева, стоял неподвижно на обочине главной улицы Дрена, возле сточной канавы. Четыре белые лошади изнывали от неожиданной жары, понурились в хомутах. Впереди улицу обрамляли арочные ворота, а за ними расплзался лабиринт Верхнего рынка – огромная площадь, забитая ларьками, телегами, скотом и толпами людей.

Поток наличности, какофония голосов и мелькание дающих и берущих рук – все достигло апогея, обрушиваясь на органы чувств Брола Хандара, несмотря на защиту плюшевой обивки экипажа. Водопад звуков с рынка, хаотичное мелькание людей в воротах и толпы на самой улице заставляли наместника думать о религиозном рвении – он словно наблюдал сумасшедшую версию похоронного обряда тисте эдур. Только вместо женщин, ритмично причитающих в обязательном горе, погонщики с криками вели через толчею гурты. Дым погребальных костров и жертвенников, окутывающий деревню эдур, стал здесь густым пыльным потоком, несущим тысячи ароматов. Навоз, лошадиная моча, жареное мясо, овощи и рыба, необработанные шкуры миридов и дубленая кожа родара; гниющие отходы и густые запахи дурманящих настоев.

Здесь, у летери, не бросали богатые жертвы в морские волны. Бивни клыкастых тюленей стояли у полок, напоминая ряды крюков какого-то пыточного механизма. Другие ларьки выставляли вырезанные из этих бивней статуэтки, изображающие объекты поклонения эдур, дшеков и фентов, или фигурки для игр. Полированный янтарь был украшением, а не священными слезами пойманного сумрака, а из кровь-дерева резали кубки, чаши и кухонную утварь.

Или отделку для показушного экипажа.

Через щель в ставнях наместник разглядывал снующих туда-сюда людей. Изредка в толпе мелькал тисте эдур, на голову выше любого летерийца, и Бролу казалось, что он различает некоторое смущение за высокомерным выражением лица.

Изменений никто не хотел, они появлялись медленно, исподволь. Действительно, летери испытали шок от разгрома армии, смерти короля и появления новых правителей, но при всем при том внезапные изменения были вовсе не такими катастрофическими, как ожидалось. Клубок, объединяющий летери, был эластичным и, как теперь понимал Брол, гораздо более крепким, чем казалось. Однако больше всего беспокойства доставляло то, с какой легкостью этот клубок опутывал любого, кто в него попадет.

В этом прикосновении яд – но не смертельный, а только одурманивающий. Сладкий, но в конце концов приводящий к гибели. Вот что приносит... комфорт. И все же Брол прекрасно видел, что комфорта хватает не на всех; увы, эту награду получают очень немногие. Хотя обладающие богатствами восторженно выставляют его напоказ, именно хвастовство подчеркивает, насколько их мало. Не каждому дано быть богатым – система не допустит, ведь власть и предоставляемые ею привилегии строятся именно на неравенстве. Без него как измерить власть, как оценить дар привилегий? Чтобы были богатые, должны существовать бедные – и последних нужно больше, чем первых.

Управитель Летур Аникт вел необъявленную войну против племен за пределами империи, с помощью имперских военных захватывая земли и укрепляя свои новые владения. Реального оправдания кровопролитию не было; все делалось только ради личного обогащения. И все же Брол Хандар до сих пор не решил, что с этим делать и делать ли вообще что-то. Он подготовил пространный доклад императору, содержащий хорошо документированные подробности ситуации в Дрене. Брол уже начал подозревать, что, отправь он доклад в Летерас, документ не попадет ни к императору, ни к одному из его советников-эдур. Летериец-канцлер, Трибан Гнол, похоже, в доле и вообще ровня Летуру Аникту – видимо, мощная паутина власти, скрытая под поверхностью, процветает без вмешательства правящих эдур. В настоящий момент у Брола Хандара были только подозрения, намеки на эту тайную паутину. Только одно звено было явным – объединение богатых летерийских семей, Свободное попечительство. Возможно, эта организация – сердце скрытой власти. Хотя точно сказать нельзя.

Брол Хандар из весьма благородного семейства тисте эдур, недавно назначенный наместником в маленьком городе на задворках империи, прекрасно понимал, что ему не тягаться с такой организацией, как Свободное попечительство. Он и в самом деле начинал верить, что племена тисте эдур, разбросанные по громадной территории, – всего лишь обломки, несомые безразличным потоком вздувшейся глубокой реки.

И все же есть император.

Вполне возможно, безумный.

И непонятно, к кому обратиться, даже если то, что видит Брол Хандар, действительно опасно.

Внимание Брола привлекла суматоха возле ворот, и он прильнул глазом к щели в ставнях.

Арест. Прохожие спешили убраться подальше, а два неприметных летерийца, схватив человека с двух сторон, прижали его лицом к столбу ворот. Не было ни громогласных обвинений, ни испуганных оправданий. Молчание агентов Патриотистов и арестованного странным образом потрясло наместника. Этих людей словно не интересовали никакие подробности.

Один из агентов обыскал арестованного на предмет оружия, но ничего не нашел; потом, пока его напарник удерживал человека у столба, отвязал кожаный кошель с пояса и начал в нем рыться. Арестованный был прижат щекой к вырезанному на широкой квадратной колонне барельефу – сплошь сцены из славного прошлого Летерийской империи. Брол Хандар подумал, что участникам сцены ирония недоступна.

Обвинят в мятеже. Всегда в мятеже. Но против чего? Не против же присутствия тисте эдур – это было бы бессмысленно, и по этому поводу не проводилось никаких репрессий – по крайней мере Брол Хандар о таких не слышал. Тогда против чего? Должники существовали всегда, и некоторые избегали оплаты долга, однако большинство – нет. В условиях политических и социальных волнений появлялись секты – они набирали приверженцев среди бесправных остатков покоренных племен: фентов, нерексов, тартеналов и прочих. Но со времен завоевания большинство таких сект распались или бежали из империи. Мятеж. Процесс будет закрытым. Значит, где-то должны существовать список разрешенных верований, система взглядов и убеждений, составляющих правильную доктрину. Или все гораздо коварнее?

В дверь экипажа кто-то поскребся, и через мгновение она открылась.

Брол Хандар уставился на фигуру, шагнувшую на подножку, накренив своим весом экипаж.

– Орбин, ну входите уже.

Обрюзгший за долгие годы бездеятельности, с пухлым лицом, с тяжелой вялой челюстью, Орбин Правдолов, похоже, безостановочно потел при любой температуре, словно внутреннее давление гнало токсины из его мозга на поверхность кожи. Местный глава Патриотистов был, на взгляд Брола Хандара, самой презренной и злобной личностью из тех, кого ему доводилось встречать.

– Вы вовремя, – сказал тисте эдур, когда Орбин втиснулся в экипаж и разместился на противоположном сиденье, распространяя едкий запах пота. – Хотя я и не знал, что вы лично контролируете будничную деятельность агентов.

Тонкие губы Орбина растянулись в улыбку:

– Мы получили информацию, которая может вас заинтересовать, наместник.

– Еще один несуществующий заговор?

Улыбка на мгновение стала шире:

– Если вы про Болкандский заговор, увы, им занимается Свободное попечительство.

Наша информация касается вашего народа.

Моего народа.

– Понятно. – Брол Хандар подождал. Снаружи два агента поволокли арестованного прочь.

– К западу от Синцевья замечены путники. Двое тисте эдур, один из них белокожий. Он, как я понимаю, известен как Белый Ворон – для нас, летерийцев, кстати, очень неприятная кличка. – Орбин моргнул набухшими веками. – Их сопровождают три летери – две женщины и беглый раб с татуировками хозяина, хирота.

Брол с трудом хранил спокойное выражение лица, хотя грудь сдавило. *Это тебя не касается.*

– У вас есть сведения об их точном местоположении?

– Они направлялись на восток через горы. Там есть три перевала; пока – в это время года – открыты только два.

Брол Хандар неторопливо кивнул.

– Криснан императора тоже смогли определить их примерное положение. Эти перевалы блокированы. – Он помолчал и добавил: – Все, как предсказывал Ханнан Мосаг.

Темные глаза Орбина изучали наместника из-под жировых складочек.

– Вы напоминаете мне об эффективности эдур.

Да.

Человек с прозвищем Правдолов продолжил:

– У Патриотистов есть вопросы в отношении белокожего тисте эдур, этого Белого Ворона. Из какого он племени?

– Не из какого. Он не тисте эдур.

– Вот как. Странно. По описанию...

Брол Хандар промолчал.

– Наместник, мы можем чем-то помочь?

– Пока что нечем, – ответил Брол.

– Больше всего меня удивляет, что вы до сих пор не достигли эту группу. Мои источники сообщают, что тисте эдур – не кто иной, как Фир Сэнгар, брат императора.

– Как я уже сказал, перевалы заблокированы.

– Ого, значит, вы затягиваете сеть, даже пока мы тут беседуем.

Брол Хандар улыбнулся.

– Орбин, вы упомянули, что Болкандский заговор – компетенция Свободного попечительства. Тем самым вы сообщаете мне, что Патриотистов это дело не интересует?

– Не совсем. Попечительство постоянно пользуется нашей сетью...

– И за это, несомненно, выплачивает вознаграждение.

– Разумеется.

– Я даже...

Орбин поднял ладонь, склонив голову.

– Прошу извинить меня, наместник. Я слышу тревогу. – Он, кряхтя, поднялся и распахнул дверцу экипажа.

Потрясенный Брол молча проводил летерийца взглядом. Когда дверца закрылась, он достал из небольшого встроенного ящичка вязаный мешочек с пахучими травами и поднес к лицу. Теперь и ему стал слышен сигнал тревоги. Брол нагнулся к переговорной трубе:

– Кучер, давай к этим колоколам.

Подумав, он добавил:

– И можно не торопиться.

Гарнизон Дрена размещался в целой дюжине деревянных строений на невысоком холме, к северу от центра города. Арсенал, конюшни, казармы и штаб-квартиры были надежно укреплены, хотя сам комплекс построек не был окружен стеной. Когда-то, века назад, Дрен представлял собой город-государство, и после затяжной войны с оул'данами отчаявшийся король призвал армию Летера, чтобы победить кочевников. Только десятилетия спустя открылось, что весь конфликт спровоцировали сами летерийцы. Так или иначе летерийская армия никуда не ушла; король согласился на титул визиря, и после череды трагических случайностей он сам и весь его род исчезли. Впрочем, это все история, никому ныне не нужная.

От гарнизонного плаца вели четыре главные аллеи: одна – северная – сходилась с дорогой, ведущей к городской стене и переходящей в Северный береговой тракт; из трех путей, ведущих по берегу из города, этим пользовались реже всего.

В тени укрытого остроконечной крышей балкона роскошного имения сразу за арсеналом, на северной аллее, в прохладной мгле, где трудно было что-то рассмотреть, притаилась стройная фигура. Капюшон из грубой ткани скрывал черты лица, хотя, если бы кому пришлось в голову остановиться и приглядеться повнимательней, того поразил бы блеск алых чешуек там, где должно быть лицо, и глаза, спрятанные в прорезях с черными краями. Но было что-то в этой фигуре такое, отчего прохожим не хотелось приглядываться. Взгляд скользил мимо, и мало кто замечал, что в тени кто-то есть.

Этот *некто* занял свой пост перед самым рассветом, а сейчас день близился к вечеру. Глаза его были устремлены на здания гарнизона, он видел посыльных, входящих и выходящих из штабов, визиты полудюжины благородных купцов по поводу закупки лошадей, металлического лома, седел и всего прочего. Он изучал кожаные накладки на круглых щитах копейщиков с приплюснутыми лицами; на темной – пурпурно-охряной – коже едва различимые татуировки смотрелись на удивление красиво.

Вечером тени удлинлись, и *некто* заметил двух летерийцев, попавшихся ему на глаза второй раз. Их беспечность выглядела... подозрительно, и инстинкт подсказал фигуре под капюшоном, что пора уходить.

Когда летерийцы прошли мимо по улице на запад, фигура, выйдя из тени, быстро и бесшумно двинулась за ними. *Некто* ощутил их внезапное, растущее внимание – а возможно, и тревогу. Почти поравнявшись с ними, он свернул направо, в переулочек, ведущий на север.

Пройдя пятнадцать шагов, он нашел темный уголок, где можно было спрятаться. Затем откинул полы плаща и подвязал их, освободив руки.

Через десяток ударов сердца он услышал шаги летерийцев.

Они шли осторожно, с ножами наготове. Один прошептал что-то, и оба остановились.

Фигура шагнула вперед, скрипнув правой подметкой.

Летерийцы развернулись.

Оулданский кнут, кадаран, прошелестел, извиваясь по-змеиному; кожаный хвост, покрытый внахлест кинжально острыми полулунными лезвиями, размером с монету, взметнулся сверкающей дугой, лизнувшей обоих летерийцев по горлу. Хлынула кровь.

Летерийцы обмякли. Кровь, особенно у того, что был слева, хлестала всюду, растекаясь по грязному булыжнику. Подойдя ко второй жертве, незнакомец достал нож, воткнул в горло лежащему; потом привычными движениями срезал лицо – кожу, мышцы и волосы. Ту же жуткую процедуру он проделал и с другим летерийцем.

На двух противников – агентов Патриотистов – меньше.

Разумеется, агенты работают по трое – третий следует поодаль.

Со стороны гарнизона раздались первые звуки тревоги – резкий перезвон колоколов, вибрирующий в пыльном воздухе над домами.

Свернув ужасные трофеи и запихнув их под свободную кофту из шерсти родара, надетую поверх чешуйчатой кольчуги, незнакомец двинулся по переулочку в сторону северных ворот.

В дальнем конце переулочка появилась стража – пять летерийцев в латах и шлемах, с короткими мечами и щитами. Увидев их, незнакомец ускорился, держа кнут-кадаран в левой руке, а правой снимая топор-ригта с перевязи из сыромятной кожи у бедра. Толстая рукоять длиной с бедренную кость взрослого человека, и с каждого конца укреплено стальное лезвие в три четверти диска, причем плоскости лезвий направлены перпендикулярно друг другу. Кадаран и ригта – древнее оружие оулданов, чье мастерство почти век было тайной для других племен.

Соответственно, охране не приходилось прежде сталкиваться с таким оружием.

До первых трех стражников оставалось шагов десять. Кнут щелкнул, описав расплывчатую восьмерку; раздались вопли, брызнула кровь – почти черная в сумраке переулочка. Два летерийца покачнулись.

Оул оказался перед крайним стражником в первом ряду. Правая рука скользнула по древку до выступа под левым полулунным лезвием, рукоять вытянулась параллельно предплечью, когда оулданец поднял топор, блокируя отчаянный удар короткого меча стражника. Затем оулданец двинул локоть вперед, и правое лезвие, сверкнув, прошло под край шлема летерийца, прорубило переносицу и лобную кость и окунулось в мякоть мозга. Оулданец скользнул мимо падающего стражника, и кнут, раскрученный над головой, захлестнул шею четвертого летери – тот взвизгнул, уронил меч, цепляясь за смертельные лезвия, – а оул припал к земле, опершись о ригту, и тут же резко ударил. Пятый стражник попытался заслониться щитом, но опоздал.

Рывок кнута обезглавил четвертого стражника.

Оул выпустил рукоятку кадарана и, ухватив ригту двумя руками, шагнул вперед и ударил последнего стражника в горло, перебив трахею.

Подобрав кнут, он двинулся дальше.

Ворота в пятидесяти шагах слева, облепленные стражниками, – и все смотрят в его сторону.

Он побежал к ним.

Атри-преда Биватт лично командовала отрядом копейщиков из двадцати всадников. Она пустила лошадь легким галопом по следу кровавой бани.

Два патриотиста посреди переулка. Пять городских стражников в конце переулка.

Выскочив на улицу, атри-преда повернула скакуна налево и обнажила меч, приближаясь к воротам.

Везде тела – не меньше двадцати, и только двое, похоже, еще живы. Биватт уставилась на жуткую сцену, чувствуя, как щиплет под доспехами холодный пот. Повсюду кровь: на булыжниках, высоко на стенах и на самих воротах. Отрубленные конечности. Вонь от разорванных кишечников, разбрызганные внутренности. Один из выживших визжал, мотая головой; у него были отрезаны обе руки.

Натянув поводья, Биватт увидела сразу за воротами четырех лежащих лошадей, вывалившихся всадников на дорогу. Оседающая пыль показала, что остальные из первого отряда бросились в погоню.

Второй выживший подковылял к атри-преде. Он получил удар в голову, из-под вмятины на шлеме кровь текла по лицу и по шее. Стражник смотрел на нее глазами, полными ужаса. Он открыл рот, но говорить был не в силах.

Биватт снова осмотрела место битвы, потом повернулась к своему финадду.

– Ведите отряд дальше, догоните их. Оружие наголо, проклятие! – Она перевела взгляд на стражника. – Сколько их?

Он шумно сглотнул.

Появились еще стражники. К потерявшему руки воину спешил костоправ.

– Ты слышал вопрос? – прошипела Биватт.

Стражник кивнул и сказал:

– Один. Он был один, атри-преда.

Один? Смешно.

– опиши его!

– Чешуя – его лицо покрыто чешуей. Красной, как кровь!

Со стороны дороги показался всадник из ее отряда.

– Первый отряд копейщиков весь погиб, атри-преда, – крикнул он высоким голосом. –

Они там, на дороге. И все лошади – кроме одной. Командир, нам преследовать?

– Преследовать? Идиот – конечно, преследовать! Догнать!

За ее спиной раздался голос:

– Это описание, атри-преда...

Она развернулась в седле.

Орбин Правдолов, покрытый потом, стоял посреди трупов, глядя на атри-преду маленькими глазками.

Биватт оскалилась.

– Да, – рявкнула она. *Красная Маска. И никто другой.*

Глава Патриотистов Дрена, сморщив губы, осмотрел трупы, лежащие вокруг.

– Похоже, – сказал он, – его изгнание из оул’данских племен подошло к концу.

Да.

Спаси нас Странник.

Брол Хандар вышел из экипажа и оглядел место битвы. Глядя на нанесенный урон, трудно было представить, каким оружием пользовался нападавший. Атри-преда приняла на себя командование над прибежавшими солдатами, Орбин Правдолов стоял в тенике, на пороге караульного помещения, и тихо наблюдал.

Наместник подошел к Биватт:

– Атри-преда, я вижу здесь трупы только ваших солдат.

Она уставилась на него взглядом, в котором угадывался страх:

– В город проник воин оул.

– Так это работа всего одного воина?

– Убивать – простейший из его талантов.

– Значит, вам известно, кто это.

– Наместник, у меня очень много дел...

– Расскажите о нем.

Поморщившись, Биватт жестом предложила отойти в сторону. Пришлось перешагивать через трупы, распростертые на скользких булыжниках.

– Наместник, я, похоже, отправила на смерть отряд копейщиков. И не расположена к долгим разговорам.

– Сделайте одолжение. Если у самых ворот города войска оул'данов, нужен организованный отпор – общий, – добавил Брол, заметив ее оскорбленный вид, – включая тисте эдур, а не только ваших солдат.

Подумав, она кивнула.

– Красная Маска. Это единственное имя, под которым мы его знаем. А о его происхождении даже оул'даны судят лишь по легендам...

– А на самом деле?

– Летур Аникт...

Брол Хандар яростно зашипел и бросил взгляд на Орбина, который подобрался поближе.

– Почему любая катастрофа начинается с имени этого человека?

Биватт продолжила:

– Годы назад произошла стычка между богатым племенем оул и управителем. Говоря простому, Летур Аникт положил глаз на богатые стада племени. Он отправил агентов, которые ночью пробрались в лагерь и сумели похитить молодую женщину – одну из дочерей вождя клана. Надо сказать, у оул было в привычке похищать детей у летери. В общем, у этой дочери был брат.

– Красная Маска.

Она кивнула.

– Младший брат. Так или иначе, управитель забрал девушку в свой дом, и вскоре она стала его должницей...

– Разумеется, даже не заметив. Да, понимаю. И в оплату долга и за ее освобождение Летур потребовал стада ее отца.

– Примерно так. И вождь клана согласился. Увы, когда воины управителя уже подходили к лагерю с драгоценным грузом, девушка вонзила кинжал в собственное сердце. Дальше только хуже. Солдаты Летура Аникта напали на лагерь, убивая всех...

– Управитель решил получить стада во что бы то ни стало.

– Да. Однако выяснилось, что остался один выживший. Через несколько лет стычки стали свирепее, и войска управителя обнаружили, что проигрывают сражение за сражением. Начались засады. И впервые прозвучало имя Красной Маски – нового вождя. А дальше точных сведений еще меньше. Похоже, состоялось собрание кланов, на котором выступил Красная Маска – то есть спорил со старейшинами. Он хотел объединения кланов перед летерийской угрозой, но старейшин убедить не удалось. В ярости Красная Маска наговорил лишнего. Старейшины потребовали извинений, он отказался, и его изгнали. Говорили, он отправился на восток, в дикие земли между нами и Колансом.

– А в чем смысл маски?

Биватт покачала головой:

– Не знаю. Ходит легенда, будто он убил дракона – сразу после потери семьи. Он был тогда буквально ребенком, так что история маловероятна. – Она пожала плечами.

– Значит, вернулся... – промолвил Брол Хандар. – Или другой воин оул раздобыл маску и с ее помощью пытается вселить ужас в наши сердца.

– Нет, это именно он. Он использует кнут с лезвиями и двуглавый топор. Это оружие само по себе легендарное.

Наместник нахмурился:

– Легендарное?

– Легенды оул гласят, что их народ однажды столкнулся с врагом далеко на востоке. Кадаран и ригта были созданы для борьбы с этим врагом. Подробности не знаю, разве что тем врагом были не люди.

– Каждое племя хранит легенды о былых войнах, об эпохе героев...

– Наместник, оулданские легенды не такие.

– Вот как?

– Да. Во-первых, оул проиграли войну. Поэтому и бежали на запад.

– А летеры не отправляли экспедиций в дикие земли?

– Последняя экспедиция была полностью уничтожена, а единственная выжившая сошла с ума от пережитого. Она упоминала какую-то Шипящую ночь. Видимо, голос гибели. Так или иначе ее сумасшествие не поддавалось лечению, и ее предали смерти.

Брол Хандар задумался. Появился офицер, явно желающий поговорить с атри-предой.

– Благодарю вас, – сказал наместник и повернулся.

– Наместник...

– Да? – Он снова повернулся к ней.

– Возможно, нам в самом деле понадобится помощь тисте эдур.

Он поднял брови:

– Разумеется, атри-преда.

И возможно, таким образом я сумею добраться до ушей императора и Ханнана Мосага... Проклятый Летур Аникт. Что он теперь нам несет?

Погоня летерийскую лошадь, Красная Маска свернул с северной дороги к востоку, по недавно возделанным полям, бывшим когда-то оулданскими пастбищными лугами. На него обращали внимание фермеры, а из последней деревушки, которую он объехал стороной, трое солдат, оседлав коней, пустились в погоню.

На дне оставшейся позади долины солдаты встретили смерть – в хоре звериных криков и человеческих воплей, яростных, но недолгих.

Над головой воина оулов раздавался рев риназанов, кружащихся беспорядочной тучей; их согнала с привычных мест обитания жестокость. Крылья хлопали, как крохотные барабаны, и зазубренные хвосты посвистывали в воздухе за спиной Красной Маски. Он давно уже привык к их постоянному присутствию.

Всадник придержал лошадь, поерзав от неудобства в непривычном летерийском седле. Он знал, что его уже никто не настигнет, и не было смысла загонять скакуна. Враг не сомневался в гарнизоне, увенчанном трофеями, и Красная Маска многое узнал, проведя в наблюдении ночь и день. Синеветские копейщики пользуются правильными стремянами и просто летают на своих скакунах. Они куда опаснее, чем пешие воины прошлых лет.

Со времени возвращения он до сих пор видел лишь покинутые лагеря своего народа, следы перегона маленьких гуртов и круглые основания заброшенных хижин-типи. Его дом был опустошен, а выжившие бежали. И на единственном месте битвы, которое он нашел, лежали только чужие трупы.

Солнце за спиной клонилось к горизонту, когда он заметил первый сожженный лагерь оул. Сожженный год назад или больше. Белые кости, выступающие из травы, черные пни от остовов хижин, пыльный запах разорения. Никто не прибрал павших, не уложил изуродованные тела на плетеные платформы, освобождая души для танца со стервятниками. Сцена всколыхнула печальные воспоминания.

Спускалась темнота, риназаны потянулись прочь, и Красная Маска расслышал топот – справа и слева: два спутника, завершив кровавые труды, прикрывали его с флангов, еле заметные в сумерках.

Риназаны усаживались на горизонтальные, чешуйчатые спины к'чейн че'маллей, слизывая брызги крови и выдергивая клещей; порой, задрав голову, щелкали пастью и втягивали жужжащих насекомых, подобравшихся слишком близко.

Красная Маска полуприкрыл глаза – он не спал уже почти двое суток. Саг'Чурок, громадный самец, скользил по земле справа; юная Гунт Мах, только начинающая превращаться в самку, – слева... Гарантия полной безопасности.

Как и риназаны, два к'чейн че'малля, похоже, были довольны, даже в такой далекой дали от родни. Довольны сопровождать Красную Маску, защищать его и убивать летери.

И он понятия не имел почему.

В свете лампы глаза Силкаса Руина стали совсем драконьими – по мнению Сэрэн Педак, очень уместно для палаты, в которой они находились. На каменных стенах, сходящихся наверху в свод, были вырезаны перекрывающиеся чешуйки. Непрерывный узор мешал сосредоточиться, вызывая тошноту. Сэрэн уставилась в пол, моргая слезящимися глазами.

По ее прикидкам, было утро. Они шли по туннелям, поднимались по наклонным ходам почти целую ночь. Воздух был спертый, несмотря на постоянный встречный поток воздуха.

Она с усилием отвела взгляд от Силкаса Руина, негодуя на себя за очарованность этим диким неземным воином, тем, как он умел сдерживать себя – даже грудь при дыхании колыхалась едва заметно. Погребенный на тысячелетия, он все равно был, несомненно, жив. Кровь текла по венам, мысли оживали, запыленные от долгого бездействия. В его голосе ей слышалась тяжесть могильных камней. Трудно даже представить, как можно столько страдать и не сойти с ума.

Впрочем, что-то таилось глубоко внутри: или запрытанное по необходимости, или просто ждущее своего часа. Как убийца, он был тщателен и бесстрастен. Словно на жизнь смертных можно не обращать особого внимания, сводить все к хирургической оценке – препятствие или союзник. Остальное неважно.

Удобный взгляд на мир. Закрывать глаза на сложности – заманчиво. Но для нее – невозможно. Нельзя прятаться от сложностей. А для Силкаса Руина видимые сложности не имели значения. Он нашел для себя определенность, и она стала неоспоримой.

К сожалению, Фир Сэнгар не хотел признать безнадежность постоянных нападков на Силкаса Руина. Тисте эдур стоял у треугольного прохода, куда им вскоре предстояло шагнуть.

– Ты думаешь, – обратился он к Силкасу Руину, – что я вообще ничего не знаю о той древней войне, о вторжении в этот мир.

Альбинос тисте анди взглянул на Фира Сэнгара, но ничего не ответил.

– Наши женщины хранят память, – продолжил Фир. – Они передают сказания дочерям. Поколение за поколением. Да, я знаю, что Скабандари ударил кинжалом тебя в спину, там, на холме, над полем битвы. Но было ли это предательство первым?

Если он надеялся услышать ответ, его ждало разочарование. Удинаас, сидящий спиной к чешуйчатой стене, тихонько рассмеялся.

– Какая разница, кто кого предал? – сказал он. – Разве в этом дело? Нас ведь удерживает вместе не взаимное доверие. Скажите, Фир Сэнгар, мой бывший хозяин, представляет ли ваш

брат, кто такой Руин? Откуда он? Полагаю, нет. Иначе он за нами погнался бы сам во главе десятитысячного войска. А вместо этого они с нами играют. И вам не любопытно почему?

Полдюжины ударов сердца все молчали, потом Кубышка хихикнула:

– Разумеется, хотят, чтобы мы сперва нашли то, что ищем.

– Тогда почему они перекрывают нам дорогу в глубь территории? – спросила Сэрен.

– Потому что знают, что мы идем не туда.

– Откуда им знать?

Чумазные ручки Кубышки взметнулись во мгле, как летучие мыши.

– Им сказал Увечный бог, вот откуда. Увечный бог сказал, что еще не время идти на восток. Он пока не готов к открытой войне. И хочет, чтобы мы прошли в дикие земли, где ждут все тайны.

Сэрен Педак уставилась на девочку:

– Во имя Странника, кто такой Увечный бог?

– Тот, кто дал Руладу его меч, аквитор. Настоящая сила, что стоит за тисте эдур. – Кубышка всплеснула ладошками. – Скабандари мертв. Договаривался Ханнан Мосаг, а все досталось Руладу Сэнгару.

Фир оскалился, уставившись на Кубышку с ужасом:

– Откуда ты знаешь?

– Мертвые рассказали. Они много рассказывали. И те, кто был под деревьями, пойманные. Например, что громадное колесо вот-вот повернется в последний раз. Оно закроется, потому что должно, потому что он так устроил. Чтобы сказать все, что он хочет знать. Сказать ему правду.

– Сказать кому? – Сэрен непонимающе поморщилась.

– Ему, тому, кто придет. Увидите. – Кубышка подбежала к Фиру, ухватила за руку и потащила за собой. – Надо торопиться, или нас догонят. Тогда Силкасу Руину придется всех убить.

Убила бы эту девочку.

Удинаас смеялся.

Его Сэрен тоже убила бы.

– Силкас, – сказала она, подойдя поближе. – Ты понимаешь, о чем говорила Кубышка?

– Нет, аквитор. Но я, – добавил он, – намерен слушать дальше.

Глава третья

Мы натолкнулись на демона на восточном склоне Радагарского хребта. Он лежал в мелком болоте, образованном сильным паводком, и вонь, наполнившая горячий воздух, говорила о гниющей плоти. Проверка, выполненная со всеми предосторожностями на следующий день после нападения неизвестных на наш лагерь, показала, что демон смертельно ранен. Как его описать? Он мог балансировать на мощных мускулистых задних лапах, напоминая нелетающую птицу шаба, обнаруженную на островах Драконийского архипелага, только намного крупнее. Тазовая кость демона, вставшего на ноги, оказалась бы на уровне глаз взрослого человека. Вес длиннотелого чудовища приходится на бедренную часть, голова вытянута на длинной шее вперед, так что позвоночник расположен горизонтально. Две передние конечности, туго набитые мускулами и покрытые чешуей, представляющей естественную броню, заканчивались не когтями, не лапами, а громадными мечами, стальными клинками, будто сплавленными с костями запястья. Морда вытянутая, как у крокодилов из болот на южном берегу Синецетского моря, только опять-таки значительно крупнее. Высохшие губы открывали ряды острых клыков с кинжал длиной. Глаза, затуманенные близкой смертью, оставались странными и чужими для нас.

Атри-преда со свойственным ей мужеством шагнула вперед, чтобы избавить демона от мучений, нанесла удар мечом по мягкой части горла. Получивший последнюю рану демон издал смертный крик, поразивший нас болью: звук был недоступен человеческому уху, однако врвался внутрь черепа с такой яростью, что у нас кровь потекла из ноздрей, глаз и из ушей.

Стоит отметить еще одну деталь, прежде чем переходить к подробному описанию упомянутых повреждений. Видимые раны демона были необычны. Длинные, изогнутые разрезы, словно от каких-то щупалец, причем щупалец с острыми зубами; а другие раны – короче, но глубже – от ударов по жизненно важным для движения участкам конечностей или другим местам, они перебивали сухожилия и тому подобное...

Управитель Бренета Аникт, «Экспедиция в дикие земли». Официальная летопись Пуфанана Ибириса

В постели он не был мужчиной. То есть тело функционировало вполне нормально, но во всем прочем император Тысячи смертей оставался ребенком. А хуже всего то, что происходило потом, когда он впадал то ли в сон, то ли в какое-то другое странное состояние: его руки и ноги подергивались, невнятные слова неслись потоком жалоб и прерывались отчаянными всхлипами, раздражающими ароматический воздух в палате. Нисалл вставала с кровати, накидывала на себя халат и, примостившись у нарисованной на декоративном окне картины в пяти шагах от постели, наблюдала; а он сползал на пол и хромал, как человек с больным позвоночником, с неизменным мечом в руке через комнату в угол, где проводил остаток ночи, свернувшись клубком, запертый в каком-то вечном кошмаре.

Тысяча смертей, ночь за ночью. Тысяча.

Преувеличение, конечно. Максимум несколько сотен.

Мучения императора Рулада не родились из клубка тревог. Его одолевала правда из прошлого. Нисалл могла разобрать кое-что из бормотаний, особенно связанных с постоянным кошмаром, ведь она была рядом. В тронном зале она видела Рулада – неубитого, скулящего

на полу, скользком от его собственной крови, видела труп на троне и самого убийцу Рулада, умершего от яда.

Жалкие попытки Ханнана Мосага подобраться к трону были пресечены демоном, который явился за телом Бриса Беддикта и почти равнодушно, уходя, ткнул мечом Рулада, добив его.

От крика пробуждения императора ледяной глыбой застывало ее сердце, звериный вопль обжигал ее собственное горло.

Умереть только для того, чтобы вернуться, – значит не иметь возможности сбежать. Сбежать от... чего угодно.

Раны закрылись, он поднялся на четвереньки, все еще сжимая проклятый меч, оружие, которое не отпускает. Скуля и прерывисто дыша, пополз к трону и снова обмяк, добравшись до помоста.

Нисалл вышла из угла, где пряталась мгновениями раньше. Ум оцепенел – от самоубийства короля, ее любовника, и евнуха Нифадаса, от ударов, следующих один за другим в этом жутком тронном зале, от смертей, валящихся одна за другой, как могильные камни на затопленном поле. Трибан Гнол, как всегда прагматичный, преклонил колени перед новым императором, предложив свои услуги – с легкостью угря, прячущегося под новый камень. Первый консорт тоже был всему свидетелем, но теперь Турудала Бризада не было видно, а Рулад, в блестящих от свежей крови монетах, развернулся на ступеньках и оскалился на Ханнана Мосага.

– Не *твой*, – прохрипел он.

– Рулад...

– Император!.. А ты, Ханнан Мосаг, мой *седа*. Больше нет колдуна-короля. Мой седа.

– Твоя жена...

– Мертва. Да. – Рулад взобрался на помост и выпрямился, глядя на мертвого летерийского короля, Эзгару Дисканара. Потом ухватил свободной рукой ворот парчовой рубашки короля и стащил труп с трона – тот повалился на бок, голова ткнулась в плитки пола. Словно дрожь пробежала по телу Рулада. Он сел на трон и огляделся; взгляд вновь уперся в Ханнана Мосага.

– Седа, здесь, в нашей палате, ты впредь будешь обращаться к нам, лежа на животе, как сейчас.

Из тени в дальнем углу тронного зала послышался вялый смешок.

Рулад вздрогнул.

– А теперь оставь нас, седа. И заведи эту ведьму Джаналл с ее сыном.

– Император, прошу, вы должны понять...

– Убирайся!

Крик поразил Нисалл, и она застыла, борясь с желанием убежать. Покинуть дворец, город...

Но тут Рулад махнул свободной рукой и, не оборачиваясь, сказал ей:

– Только не ты, шлюха. Ты останься.

Шлюха.

– Это слово неприемлемо, – сказала она и съежилась от страха, пораженная собственной опрометчивостью.

Он уставил на нее лихорадочные глаза. Потом ни с того ни с сего махнул рукой с неожиданной усталостью:

– Разумеется. Мы приносим извинения. Имперская наложница... – Его блестящее лицо скривилось в полуусмешке. – Твоему королю следовало забрать и тебя. Он или был эгоистом, или так любил, что не посмел.

Она промолчала, не имея ответа.

– Ага, мы видим сомнение в твоих глазах. Наложница, мы сочувствуем тебе. Знай, что мы не будем жестоки. – Рулад замолчал, глядя, как Ханнан Мосаг с трудом переваливается через порог зала. Появились еще полдюжины тисте эдур; они двигались неуверенно, дрожа, не веря в то, чему стали свидетелями. Ханнан Мосаг прошипел команду, и двое, войдя в зал, захватили мешки с искалеченными телами Джаналл и Квилласа, ее сына.

– Имей в виду, – продолжил император, – титул и прилагающиеся привилегии... остаются, если пожелаешь.

Нисалл моргнула, словно чувствуя под ногами зыбкий песок.

– Я вольна выбирать, император?

Мутные красные глаза устремились на дверь:

– Удинаас. Предатель. Ты-то... не был волен выбирать. Раб, мой раб... нельзя доверять тьме, нельзя... – Рулад поежился на троне, глаза блеснули. – Он идет.

Нисалл не поняла, кого имеет в виду император, но дикие эмоции в его голосе снова ее напугали. Что еще готовит жуткий день?

Голоса снаружи, один прозвучал горько, потом робко. В тронный зал вошел воин тисте эдур. Брат Рулада. Один из братьев. Тот, кто оставил Рулада, распростертого на плитках. Молодой, красивый – как бывает у эдур, непривычный и идеальный. Нисалл попыталась вспомнить, слышала ли она его имя...

– Трулл, – хрипло пробормотал император. – Где он? Где Фир?

– Он... ушел.

– Ушел? Оставил нас?

– Нас. Да, Рулад... Или называть тебя императором?

Гримаса пробежала по покрытому монетами лицу Рулада, затем он поморщился и произнес:

– Ты тоже оставил меня, брат. Бросил истекать кровью на полу. Думаешь, ты не такой, как Удинаас? Не такой предатель, как летерийский раб?

– Рулад, если бы передо мной был мой прежний брат...

– Тот, над которым ты насмеялся?

– Если, по-твоему, так было, то прошу прощения.

– Да, теперь ты хочешь извиниться?

Трулл Сэнгар шагнул вперед:

– Это все меч. Он проклят. Прошу, отбрось его. Уничтожь. Трон теперь у тебя, и меч больше не нужен...

– Ты ошибаешься. – Рулад оскалился, словно в припадке ненависти к себе. – Без него я всего лишь Рулад, младший сын Томада. Без меча, брат, я никто.

Трулл склонил голову:

– Ты повел нас на войну. Я встану рядом с тобой. Встанет и Бинадас, и наш отец. Ты завоевал трон, Рулад, тебе нечего бояться Ханнана Мосага...

– Этого жалкого червяка? Ты думаешь, я его боюсь? – Кончик меча шелкнул, отскочив от плиток. Рулад уставил оружие в грудь Трулла. – Я император!

– Нет, не ты, – ответил Трулл. – Твой меч – император; меч и та сила, что стоит за ним.

– Лжешь! – взвизгнул Рулад.

Трулл отшатнулся.

– Докажи. – Глаза императора расширились.

– Разбей меч! Сестра благослови, да просто выпусти его из рук! Хотя бы так, Рулад. Просто пусть упадет!

– Нет! Я знаю, чего ты хочешь, брат! Ты заберешь его – я вижу, как ты напряжен, как готов прыгнуть за ним. Я вижу правду! – Меч дрожал между ними, словно жаждал крови.

Трулл покачал головой:

– Я хочу разбить его, Рулад.

– Не смей стоять рядом со мной! – прошипел император. – Я вижу предательство в твоих глазах – ты оставил меня! Раненого, на полу! – Его голос окреп. – Где мои воины? Сюда!

Неожиданно появились полдюжины воинов эдур, с мечами наголо.

– Трулл, – прошептал Рулад. – Я вижу, у тебя нет меча. Тогда брось свое любимое оружие – копье. И ножи. Что? Боишься, что я убью тебя? Окажи мне доверие, о котором говорил. Веди меня своей честью, *брат*.

Нисалл ничего не понимала; недостаточно знакомая с образом жизни эдур, она прочитала что-то на лице Трулла – капитуляцию, но гораздо более сложную и глубокую, чем просто готовность разоружиться перед братом. Слои смирения, один под другим, избавление от невероятной тяжести; и знание, объединяющее двух братьев, о смысле этой капитуляции. К чему приведет ответ Трулла, что последует, чем закончится – не для самого Трулла, но для Фира?..

Трулл отстегнул копье и положил его на плитки; расстегнул пояс с ножами и отбросил в сторону.

Никакого торжества не появилось в измученных глазах Рулада. Напротив, смущение затуманило его взгляд, заставило отвернуться, словно в поисках помощи. Император уставился на шестерых воинов, взмахнул мечом и проговорил надломанным голосом:

– Трулл Сэнгар пройдет Острижение. Он перестанет существовать для нас и для всех эдур. Взять его. Связать. Убрать.

Вольная выбирать, Нисалл решила остаться, однако причины выбора не могла бы назвать даже самой себе. Жалость? Возможно. Амбиции? Безусловно, ведь она понимала звериным чутьем, необходимым для жизни при дворе, что к нему можно пробиться и заменить – без долгой предшествующей истории – тех, кто уже не рядом с Руладом. У него вообще никого нет. Даже брат, Бинадас, подобно Труллу, стал слишком близок и потому слишком опасен для императора, – и его отослали искать разбросанных по свету представителей племен эдур. Отец императора, Томад, тоже не справился с соблазнительной ролью. Из выживших к’риснан Ханнана Мосага половину отправили сопровождать Томада и Бинадаса, чтобы ослабить нового седу.

И пока решения выполнялись, пока проходило Острижение – тайком, вдали от глаз летерийцев, – пока Нисалл, маневрируя, подбиралась к постели императора, канцлер, Трибан Гнол, наблюдал полуприкрытыми, как у рептилии, глазами.

Консорт Турудал Бризад исчез. Среди дворцовой прислуги ходили слухи, что он неподалеку, что он посещает полузаброшенные коридоры и тайные подземные ходы старого дворца, похожий на привидение и полупрозрачный. Нисалл не знала, как относиться к таким заявлениям; даже если бы он в самом деле прятался во дворце, ее это нисколько не удивило бы. Да и неважно – в конце концов, у Рулада нет жены.

Любовница императора – роль, казалось бы, привычная, но что-то было иначе. Рулад молод и непохож на Эзгару Дисканара. Его душевные раны слишком глубоки – Нисалл не исцелит их своими прикосновениями, так что, оказавшись в положении высоком и властном – рядом с тронном, она чувствовала себя беспомощной. И совершенно одинокой.

Она стояла и смотрела, как летерийский император все туже сворачивается в клубок в углу комнаты. Среди скулежа, стонов и тяжких вздохов выплывали слова из разговора с Труллом, отвергнутым братом. Снова и снова хриплым шепотом Рулад молил о прощении.

А впереди новый день, напомнила себе Нисалл. На ее глазах этот разбитый человек воспрянет, соберется и займет свое место на троне, глядя на всех красными глазами; побитая броня из монет будет мутно поблескивать в свете традиционных факелов, укрепленных по стенам палаты; а там, где монеты отвалились, увидят только израненную плоть, круглые алые рубцы на изуродованной коже.

Вопреки старым протоколам имперского правления император Тысячи смертей высиживал всю церемонию подачи прошений: все больше граждан империи, и бедных, и богатых, получив Императорское Приглашение и набравшись храбрости, оказывались лицом к лицу со своим пришлым правителем. Колокол за колоколом Рулад вершил правосудие – как мог. Его старания понять жизнь летери неожиданно тронули Нисалл – она поверила, что под проклятием таится достойная душа. И неожиданно Нисалл оказалась очень нужна, хотя прежде именно канцлер чаще помогал императору, и она чувствовала, что Трибан Гнол начал видеть в ней соперницу. Он был главным организатором подачи петиций, фильтром, который пропускал разумное число просителей – и соответственно рос штат помощников. То, что они составляют громадную и назойливую шпионскую сеть во дворце, само собой разумеется.

Нисалл видела, что император, взошедший на трон через море крови, стремится править по-доброму, пытается во все вникать честно и неуклюже. И это разбивало ей сердце.

Потому что власти неинтересна честность. Даже Эзгара Дисканар, столь щедрый на обещания в ранние годы, воздвиг стену между собой и гражданами империи в последнее десятилетие своего правления. Честностью слишком легко могут воспользоваться другие, и Эзгара снова и снова страдал от предательств, а больше всего из-за собственной жены, Джаналл, и их сына.

Слишком просто забыть боль этих ран, глубину этих шрамов.

Рулад, младший сын благородного семейства, стал жертвой предательства – со стороны, пожалуй, настоящего друга, раба Удинааса, и со стороны родной крови, своих собственных братьев. И каждый день он преодолевал пытку прошедшей ночи. Нисалл не могла представить, сколько это может продолжаться. Она одна была свидетельницей необычайной войны, которую он вел сам с собой каждое утро. Канцлер со всеми шпионами ничего не знал об этом – Нисалл была уверена. И незнание делало его опасным.

Нужно поговорить с Трибаном Гнолом. Нужно навести мостик. *Но шпионить для него я не стану.*

Очень узкий мостик, по которому следует идти осторожно.

В темноте пошевелился Рулад. Он прошептал:

– Я знаю, чего ты хочешь, брат... Так веди меня... веди меня своей честью...

Ах, Трулл Сэнгар, где бы ни скрывался сейчас твой дух, доволен ли ты? Доволен слышать, что твое Острижение провалилось?

И что ты теперь вернулся.

Вернулся мучить Рулада.

– Веди меня, – хрипло выдохнул Рулад.

Меч царапнул по мозаичному полу, и звук напоминал холодный смех.

– Боюсь, это невозможно.

Канцлер задумчиво отвел взгляд и уже готов был отправить воина эдур восвояси; потом, видимо, решив, что это слишком, прокашлялся и сказал сочувственным тоном:

– Император настаивает на этой церемонии, как вы и сами знаете, и прошения занимают все его время, пока он бодрствует. Это его, извините за выражение, мания. – Он чуть поднял брови. – Как может верноподданный оспаривать любовь императора к справедливости? Граждане теперь его обожают. И видят в нем честного правителя, каким он и является. Такие перемены, надо признать, потребовали времени и серьезных усилий с нашей стороны.

– Я желал бы поговорить с императором, – повторил Брутен тем же тоном, каким уже произносил эти слова.

Трибан Гнол вздохнул:

– Вероятно, вы желаете лично представить доклад относительно куратора Кароса Инвиктада и его Патриотистов. Уверяю вас, я передал все отчеты. – Он нахмурился, потом, кивнув, добавил: – Очень хорошо. Я сообщу о ваших пожеланиях его величеству, Брутен Трана.

– Если необходимо, поставьте меня в очередь просителей.

– Этого не потребуется.

Тисте эдур разглядывал канцлера полдюжины ударов сердца, затем повернулся и вышел из кабинета. В большой приемной ждала толпа летерийцев. Десятка два лиц повернулись вслед Брутену, идущему через приемную, – лиц взволнованных, искаженных страхом, – а другие изучали тисте эдур равнодушными глазами: агенты канцлера, которые, как подозревал Брутен, каждое утро собирали просителей и вразумляли, как нужно разговаривать с императором.

Не обращая внимания на расступавшихся летерийцев, Брутен вышел в коридор, миновал лабиринт палат, переходов и галерей дворца. Он почти не видел других тисте эдур, не считая к'риснан Ханнана Мосага, которые, ссутулившись, обтирали плечами стену; в их темных глазах вспыхивала искорка узнавания, когда Брутен проходил мимо.

Брутен Трана прошел в ближайшее к реке крыло дворца. Хотя последствия наводнения, случившегося на ранних стадиях строительства, устранили с помощью хитроумной системы подземных опор, избавиться от сырости было, видимо, невозможно. В наружных стенах пробили проходы, чтобы обеспечить приток воздуха, однако в итоге заплесневелый сумрак лишь наполнился запахами речного ила и гниющих растений.

Наконец Брутен очутился на разбитой мощеной дорожке – слева в высокой траве гнили упавшие деревья, а справа виднелся фундамент небольшого строения. Зброшенность висела в неподвижном воздухе легкой пылью, и Брутен в одиночестве поднялся по тропе к краю пустыря, за которым возвышалась древняя башня Азатов, окруженная яггутскими строениями поменьше. На пустыре были расположены без видимого порядка могильные камни. Из наполовину закопанных урн, запечатанных воском, торчало оружие. Мечи, сломанные копья, топоры, булавы – трофеи неудач, чахлый железный лес.

Павшие претенденты, обитатели самого престижного кладбища. Все, кто убивал Рулада хоть раз, а некоторые не единожды; самый великий, почти чистокровный тартенал убил императора семь раз. Брутен ясно помнил, как все отчетливее проявлялись гнев и ужас на зверином лице тартенала всякий раз, как его противник поднимался, обновленный, сильнее и смертельнее, чем был всего несколько мгновений назад.

Брутен зашел на причудливый некрополь, разглядывая разнообразное оружие – когда-то о нем заботились с любовью, часто давая имена, – ныне покрытое ржавчиной. В дальнем конце, чуть в стороне от других, стояла пустая урна. Несколько месяцев назад он из любопытства заглянул в нее и обнаружил серебряный кубок. В него был налит когда-то яд, убивший трех летерийцев в тронной зале – убивший Бриса Беддикта.

Праха не было. Как и меча Бриса.

Брутен Трана подозревал, что, вернись этот человек сейчас, он снова столкнется с Руладом и сделает то же, что и прежде.

В тот раз, не видимый Руладом – новый император лежал искромсанным на полу, – Брутен сунул нос в залу. Одного пугливого взгляда хватило, чтобы оценить ужасную точность разделки. Брис Беддикт был изящен. Как ученый, отбивающий слабый аргумент, он действовал с такой легкостью, как будто завязывал мокасины.

Хотелось бы видеть сам поединок, стать свидетелем артистизма этого трагически погибшего летерийского мечника.

Брутен стоял, глядя на покрытую пылью и паутиной урну.

И молился о возвращении Бриса Беддикта.

Узор постепенно обретал форму, и все же Странник, которого когда-то знали как Турудала Бризада, консорта королевы Джаналл, не мог постичь его значения. А чувство беспокойства было ему незнакомо. В самом деле, думал он, невозможно представить более нелепое состояние ума для бога – здесь, в центре его владений.

Да, он знал времена жестокости; он попирали ногами прах мертвых империй, но даже тогда он видел свое предназначение ясно и непогрешимо. А хуже всего то, что узоры всегда были его страстью, он гордился мастерством в этом тайном языке, не видя соперников.

Так кто же затеял со мной игру теперь?

Он стоял в сумраке, слушал журчание воды, стекавшей по какой-то невидимой стене, и смотрел на седанс, на выложенный каменными плитками Обителей пол – основу его царства. *Мои плитки. Мои. Это я – Странник. Это моя игра.*

Перед ним расстился узор. *Соединяются несовместимые фигуры. Смысл скрыт до последнего момента – и тогда будет слишком поздно, завершение отрежет все пути для бегства. Ты думаешь, я ничего не сделаю? Но я не просто одна из твоих жертв. Я – Странник. Моя рука поворачивает судьбы. Все, что происходит будто бы случайно, сотворено мной. Такова непреложная истина. Так было всегда. Так будет всегда.*

И все же на кончике языка ощущался страх, словно бог день за днем сосал грязные монеты, пробуя богатство империи на язык. *Этот горький поток – он втекает или вытекает? Хрустящий шорох движения, и изображение, вырезанное на плитках... расплылось.* Ни одна Обитель не открывала себя.

Седанс был в таком состоянии со дня смерти Эзгары Дисканара. Странник был бы дураком, если бы не заметил связи, однако осмыслить ее только предстояло. Возможно, дело не в смерти Эзгары, а в гибели седы. *Он никогда меня особо не любил. А я стоял и смотрел, как тисте эдур прячется в стороне, как бросает копье, пронзившее Куру Квана, убившее величайшего седу со времен Первой империи. Моя игра, думал я тогда. А теперь чья?*

Может быть, Куру Квана. *Я не предупредил его о надвигающейся опасности. Перед последним выдохом он должен был понять это... унижение. Неужели меня проклял ничтожный смертный? Меня – бога!*

Даже Куру Квану не по силам сотворить нечто, чего не развеет Странник. Нужно лишь понять структуру, удерживающую заклятие, скрытые струны, управляющие плитками.

И что будет? Империя возродилась, подтвердив истинность древнего предсказания. Все, как я предвидел.

Плитки под помостом опять помутнели. Странник зашипел раздраженно и увидел, как поднимается в холоде пар от дыхания.

Неизвестная трансформация, в которой я вижу лишь лед собственного озлобления. Стало быть, я вижу, но слеп.

Холод тоже явился неожиданностью. Жар силы ушел. Все не так, как должно быть.

Возможно, в какой-то миг придется признать поражение. *И навестит маленького старого раздражительного краба. Который состоит слугой при никчемном дураке. Придется смиренно просить ответов. А ведь я позволил Теголу выжить, это считается?*

Маэль, я знаю, в прошлый раз вмешался ты. Бесстыдно наплевав на правила. Мои правила. Тем не менее я простил тебя, и это тоже считается.

Смирение на вкус было даже хуже страха. На такое он еще не готов.

Он возьмет власть над седансом. Но чтобы узурпировать узор, нужно сначала найти его создателя. Куру Кван?

Знать бы...

Беспорядки множатся в пантеонах, новых и старых. Хаос, вонь насилия. Да, тут вмешивается бог. Возможно, винить надо самого Маэля... Нет, не годится. Скорее всего он ничего

не знает, оставаясь в блаженном неведении. Открыть ему глаза, что происходит какая-то пакость?

Империя возродилась. Да, у тисте эдур есть свои тайны, или, по крайней мере, они считают, что эти истины хорошо укрыты. А вот и нет. Чужой бог захватил их и превратил юного воина эдур в свое воплощение, в поборника, очень кстати охваченного суеверным почтением к печальной немощи самого бога. Власть из боли, слава из деградации, странная близость – возрожденная империя давала обещания силы, роста и долговечности, и все это, надо признать, не вызывало доверия. *Как и любые обещания.*

Бог неожиданно задрожал в холодном воздухе подземной палаты.

Узор обретает форму. И когда обретет, будет слишком поздно.

– Слишком поздно.

– Все же что-то еще можно сделать.

– Увы. Она умирает, хозяин, и если мы не воспользуемся ее кончиной, воспользуется кто-то другой.

Рыба капабара с помощью щупалец выбралась на берег канала и распласталась на дорожке, разевая рот и шевеля жабрами, глядя на свое последнее мутное утро. Зверюга была длиной с человека, толстой, как торговец бараниной с Внутренних островов, и, к удивлению Тегола, еще уродливей.

– Тем не менее у меня разрывается сердце.

Бугг почесал почти безволосую макушку и вздохнул.

– Вода непривычно холодная, – пояснил он. – Капабары любят теплый ил.

– Вода холодная? И ничего нельзя сделать?

– «Гидрогаторы Бугга».

– Открываешь филиалы?

– Нет, просто попробовал, как звучит.

– И как нужно проводить эту самую гидрогацию?

– Понятия не имею. Ну, в общем-то, имею, но это ремесло не совсем законно.

– То есть принадлежит царству богов.

– В основном. Хотя... – Бугг просветлел. – После недавнего наводнения и с учетом моего опыта обустройства сухих фундаментов, кажется, я вижу некоторые возможности.

– Сможешь подоить инвесторов?

Бугг соорудил гримасу:

– Всегда найдете темную сторону, да, хозяин?

– Такова моя беспринципность. Впрочем, большинство людей сочли бы ее достоинством.

Теперь скажи, ты в самом деле не можешь спасти несчастную рыбу?

– Хозяин, она уже мертва.

– Неужели? А... Видимо, теперь у нас есть ужин.

– Пожалуй, даже пятнадцать ужинов.

– Так или иначе у меня назначена встреча, так что увидимся с тобой и рыбой дома.

– Спасибо, хозяин.

– Разве я не говорил, что утренняя прогулка может оказаться полезной?

– Только, увы, не для капабары.

– Не поспоришь. Кстати, я хочу, чтобы ты составил для меня список.

– Какой?

– Скажу позже. Я же говорил, что опаздываю на встречу. Вот что я вдруг подумал: такую здоровенную рыбу тебе не тяжело таскать в одиночку?

– Ну, – ответил Бугг, оценивающим взглядом окинув труп, – для капабары она маленькая. Помните ту, которая пыталась затеять любовь с галерой?

- Ставки на нее были на Утопалках ошеломительные. В тот день я потерял все.
- Все?
- Да – три медных докса.
- И какого результата ожидали?
- Если честно... что родятся такие маленькие лодочки, которые смогут сами грести большими плавниками-веслами.
- Опоздываете на встречу, хозяин.
- Погоди! Отвернись! Мне срочно нужно сделать кое-что неприличное.
- Ну, хозяин...

Шпионы торчали на каждом углу. Патриотисты в серых дождевиках маленькими группками важно вышагивали через толпу, широко расступавшуюся в стороны; руки в перчатках – на рукоятках дубинок, на лицах – тупое самодовольство головорезов. Тегол Беддикт, завернувшись в одеяло, как в саронг, шел с мягкой грацией отшельника – приверженца какого-то тайного, но безобидного культа. По крайней мере, Тегол надеялся, что производит такое впечатление. Выходить в эти дни на улицы Летераса значило подвергаться немалому риску – такого не было при короле Эзгаре Дисканаре, в дни блаженного наплевательства. Хотя появлялся привкус интриги и опасности в каждом путешествии – пусть даже до овощной лавки за переспелыми корнеплодами, – от нервного напряжения трудно было избавиться, и неважно, сколько у тебя заплесневелой репы.

В данном случае дело усугублялось тем, что Тегол и впрямь готовился к подрывной деятельности. Одной из первых жертв нового режима стала Гильдия крысоловов. Карос Инвиктад, куратор Патриотистов, сделал ход в первый же день на новой должности, отправив сотню агентов в Крысий дом, скромную штаб-квартиру Гильдии, где и были произведены аресты десятков крысоловов, оказавшихся позже (все до единого) иллюзиями, – эта подробность, разумеется, не разглашалась, дабы не вызвать хор насмешек над грозными Патриотистами.

В конце концов, у тиранов нет чувства юмора. Слишком упиваются собственной важностью. Поэтому неизбежно возникает непреодолимый соблазн – разве это не извиняет мои несчастные шутки? Увы, Патриотистам не хватает гибкости в таких вопросах; смертельное оружие против них – саркастическая насмешка, и им это известно.

Перейдя канал Квилласа по небольшому мосту, Тегол попал в менее помпезный северный район и нырнул в кривой тенистый переулочек, бывший прежде грязной улицей – до изобретения четырехколесных фургонов и парной упряжи. Вместо обычных для такого проулка хибар и тайных ходов здесь стояли лавчонки, которые с виду почти не изменились за последние лет семьсот. В первом справа, «Полутопорном храме трав», воняющем, как переполненная сточная канава, можно было обнаружить ведьму со сморщенной физиономией, живущую в выгребной яме; а драгоценные растения росли на берегу или прямо в кишасщем насекомыми водоеме. Поговаривали, что ведьма так и родилась в этой жиже и человек она только наполювину, что ее мать родилась там же, и мать ее матери, и так далее. Правдивость таких заявлений принималась без вопросов – Тегол и представить не мог, чтобы разумный человек – и даже неразумный – добровольно согласился на такое погружение.

Напротив «Полутопора» находилась узкая дверь в лавчонку, торгующую короткими отрезками веревки и деревянными шестами в полтора человеческих роста. Тегол понятия не имел, как может выживать настолько узкоспециализированное предприятие, особенно на таком слабом, ограниченном рынке, однако эта самая дверь оставалась открытой почти шесть веков и запиралась только на ночь – с помощью короткой веревки и деревянного шеста.

Ассортимент в лавчонках дальше по переулочку объединяла лишь необычность. Деревянные столбы и колышки в одной, сандалии-тапочки – в другой, в третьей – строго тапочки. Лавочка, где продавались протекающие горшки – вовсе не бракованные; все горшки были

намеренно сделаны протекающими – с точно рассчитанным расходом; где-то продавались неоткрываемые коробки; где-то – ядовитые краски. Керамические зубы, бутылочки, наполненные мочой беременных женщин, громадные амфоры с мертвыми беременными внутри; экскременты ожиревших боровов; миниатюрные домашние животные: собачки, кошки, птички и всевозможные грызуны – все уменьшенные в размерах с помощью тщательного отбора поколение за поколением; Тегол видел сторожевых собак не выше его лодыжки; миленькие и визгливые, они, вероятно, вселяли ужас в мышек с ногтей и кошек, которых пожилые женщины носили на большом пальце ноги с помощью хитроумной петельки на сандалиии-тапочке.

Со времен объявления Гильдии крысоловов вне закона у Бедового переулкa появилась новая функция, к которой Тегол подключился с беззаботностью новичка. Сначала он зашел в «Полутопор», продравшись через лианы за порогом, и вовремя остановился, едва не нырнув головой, вперед в грязную лужу.

Раздались плеск, слякотное чавканье, потом из заросшего высокой травой пруда появилось темнокожее морщинистое лицо.

– Это ты, – произнесла ведьма, скорчив гримасу и высунув длиннющий язык с присосавшимися пиявками.

– А это ты, – ответил Тегол.

Красный протуберанец со всеми подружками убрался на место.

– Ныряй, поплаваем, мерзкий человек.

– Вылезай, и пусть кожа в себя придет, Мунуга. Я же знаю, что тебе едва тридцать лет.

– Я – пример благоразумия.

– И предупреждение: не злоупотребляй водными процедурами. Ну и где жирный корень?

– Сначала, что ты мне принес?

– Что и всегда. То единственное, что тебе нужно от меня, Мунуга.

– Хочешь сказать то единственное, чего ты не дашь!

Вздохнув, Тегол достал из-под своего импровизированного саронга маленький флакон и показал его.

Женщина облизнулась – весьма замысловатым образом.

– И что там?

– Молоки капабары.

– Но мне нужны твои.

– Я не произвожу молоко.

– Ты знаешь, о чем я, Тегол Беддикт.

– Увы, нищета укоренилась слишком прочно. Да и пропали у меня все стимулы быть производителем. В конце концов, что за мир я наблюдаю вокруг? Зачем ему рожать дитя?

– Тегол Беддикт, ты не способен родить дитя. Ты мужчина. Роды предоставь мне.

– Вот что я скажу: вылезай из этого супа, вытрись и дай взглянуть, на что ты похожа, а там кто знает? Случаются разные чудеса.

Нахмурившись, она что-то ему протянула:

– Вот твой жирный корень. Давай флакон и убирайся.

– С нетерпением буду ждать следующей встречи...

– Тегол Беддикт, ты хоть знаешь, для чего нужен жирный корень? – Женщина подозрительно прищурилась, и Тегол понял, что, если ее в самом деле просушить, она может оказаться вполне симпатичной – для амфибии.

– Нет, а что?

– Тебе предлагали использовать его каким-то необычным способом?

Он покачал головой.

– Точно? Никакого необычного чая, пахнущего желтым?

– Пахнущего желтым? Что это значит?

– Понюхаешь – поймешь. Значит, не пробовал... Хорошо. Убирайся, я кисну.

Торопливое отступление из «Полутопора». Далее к «Неизмеримым горшкам Груля». Видимо, название должно было подчеркивать бесподобное качество, поскольку сами горшки продавались как часы для алхимических опытов и прочего, а все это требовало неизменной скорости потока.

Тегол зашел в тесную сырую лавочку.

– Ты всегда морщишься, когда заходишь, Тегол Беддикт.

– Доброе утро, Похвальный Груль.

– Скорее уж серое.

– Миленький горшок...

– Это мензурка.

– Я так сразу и подумал.

– Цена обычная.

– Почему ты всегда прячешься за горшками, Похвальный Груль? Я только и вижу, что твои руки.

– Мои руки – главное во мне.

– Ладно. – Тегол достал недавно добытый спинной плавник. – Набор шипов, на сей раз от капабары. Диаметр равномерно уменьшается...

– Откуда ты знаешь?

– Ну, это же видно – к хвосту они все меньше.

– Да, но насколько именно?

– Сам решай. Тебе нужны орудия, чтобы делать дырки. Вот... сколько... двенадцать. Как можно быть недовольным?

– Я разве сказал, что недоволен? Положи их на прилавок. Возьми мензурку. И убери свой клятый жирный корень.

Дальше через дорогу, в лавочку крохотных животных, к Бистмонгер Шилл – зазывале-звероторговке, что, шаркая на стоптанных каблуках, постоянно переставляла туда-сюда маленькие клетки. Она, как обычно, восторженно завизжала при виде принесенных ей мензурки и жирного корня. Злые жены используют корень, чтобы уменьшить яички мужа; а Шилл использовала уменьшающие свойства корня для своих питомцев, подливая им желтопахнувший чай в постепенно увеличивающихся с помощью дырявой мензурки порциях.

Атмосфера встречи накалилась, когда Тегол прихлопнул комара на шее – ему немедленно сообщили, что он только что убил карликовую кровососущую летучую мышь. Аргументы, что различия просто ускользнули от него, приняты не были. Тем не менее Шилл открыла люк в полу в глубине лавочки, и Тегол спустился на двадцать шесть узких крутых каменных ступенек в скрюченный коридор, ведущий в древнюю пустую могилу-склеп; в трех местах стены были разобраны, открывая три входа в извилистые, низкие тоннели, два из которых заканчивались смертельными ловушками. Третий тоннель приводил в палату, где поселились с дюжину расстрепанных беженцев – большинство, похоже, спали.

К счастью, главный следователь Рукет бодрствовала. При виде Тегола она вскинула брови, и на очаровательном личике появилось выражение непритворной радости. Она жестом пригласила Тегола к столу, укрытому листами пергамента с поэтажными планами и диаграммами.

– Садись, Тегол Беддикт! Вот вино! Пей. Слава Страннику, новое лицо! Ты и представить не можешь, как меня утомила неизменная компания.

– Ну конечно, – подхватил он, усаживаясь. – Надо чаще выбирать.

– Увы, большинство моих расследований сейчас носят архивный характер.

– А, Великая загадка, на которую ты наткнулась? Ответ близок?

– Великая загадка? Скорее уж, проклятая загадка; и – нет, я по-прежнему сбита с толку. Но давай о другом. Мои агенты докладывают, что трещины в фундаменте неумолимо расширяются. Bravo, Тегол. Я всегда говорила, что ты умней, чем кажешься.

– Ну, спасибо, Рукет. Полированные плашечки, о которых я просил, готовы?

– Оникс доделала последнюю сегодня утром. Всего шестнадцать, правильно?

– Со скошенными краями?

– Конечно. Все твои инструкции соблюдались неукоснительно.

– Отлично. Теперь о неумолимом расширении...

– Хочешь, перейдем в мою частную комнату?

– Э... не сейчас, Рукет. Мне нужны деньги. Вливание, дополнительный капитал.

– Сколько?

– Пятьдесят тысяч.

– Мы вернем их?

– Нет, все потеряете.

– Тегол, ты и вправду растягиваешь месть в долгое удовольствие. Тогда какая нам выгода?

– Всего лишь возвращение силы Гильдии крысоловов.

Сонные глаза Рукет распахнулись:

– Конец Патриотистам? За пятьдесят тысяч? А семьдесят пять не лучше? Или сто?

– Нет, мне нужно только пятьдесят.

– Вряд ли со стороны правления Гильдии возникнут возражения.

– Замечательно. – Тегол сложил ладони и поднялся.

Она нахмурилась:

– Ты куда?

– Разумеется, в твою частную комнату.

– О, как мило.

Он прищурился на нее:

– А ты не присоединишься ко мне, Рукет?

– Зачем? Название «жирный корень» – это просто особый женский юмор.

– Я не пил желтопахнущего чая!

– Советую тебе впредь пользоваться перчатками.

– Где твоя комната, Рукет?

Она подняла бровь.

– Ты что-то хочешь доказать?

– Нет, мне только нужно проверить... кое-что.

– А зачем? – снова спросила она. – Сейчас, когда твое воображение разыгралось, ты убедишь сам себя, что стал меньше, Тегол Беддикт. Человеческая натура. Тем более ты мужчина. – Рукет поднялась. – А вот я могу быть объективной, порой даже сокрушительно объективной. Ты согласен подвергнуться осмотру?

Тегол сердито посмотрел на нее:

– Ладно, пошли. Но уж в следующий раз давай обойдемся совсем без приглашений в твою комнату, ладно?

– Неприятности в мелочах, Тегол Беддикт. Вот увидишь.

Венитт Сатад, развернув пергамент, прижал углы камнями.

– Как видите, магистр, на участке шесть разных строений. – Он начал показывать на чертеж. – Конюшни для хозяйства и для постояльцев. Ледник. Сушилка с погребом. Жилище для слуг. И, разумеется, сама гостиница...

– А это что за квадратное строение? – спросил Раутос Хиванар.

Венитт нахмурился:

– Насколько я понимаю, внутри оно содержит какой-то предмет культа. Здание старше самой гостиницы. Попытки передвинуть его провалились. Сейчас на свободном месте хранится всякая всячина.

Раутос Хиванар откинулся на спинку кресла.

– Насколько выгодно такое приобретение?

– Не больше и не меньше, чем любая другая гостиница, магистр. Можно было бы обсудить инвестиции в реставрацию с другими акционерами, включая Кароса Инвиктада.

– Ладно, я подумаю. – Раутос Хиванар поднялся. – А пока разложите новые артефакты на верстаке на террасе.

– Слушаюсь, магистр.

В четырнадцати лигах к западу от Драконийских островов штиль опустился на океан, покрыв морскую поверхность ровной соляной пленкой. Одинокий корабль с низко сидящим черным корпусом не подавал никаких признаков жизни. Вся оснастка со сломанной грот-мачты унесена, рулевое весло закреплено.

Скорген Кабан по прозвищу Красавчик медленно опустил подзорную трубу, но продолжал щуриться единственным целым глазом на далекое судно. Он почесал вентиляционные дырки – все, что осталось от когда-то большого орлиного носа, – и поморщился, царапнув ногтем чувствительное место. На самом деле ничего не чесалось, но открытые ноздри имели обыкновение подтекать, и фальшивое почесывание должно было дать сигнал о сырости. Как и многие другие, Скорген считал, что исполняет этот жест деликатно.

Увы, капитан обладала слишком острым зрением. Она перестала искоса изучать Скоргена и вновь посмотрела на собравшийся экипаж. Штиль, понятное дело, всех угнетает, однако трюмы рейдера набиты добычей, и благоволению Странника не видно конца.

Раз уж они нашли очередную жертву.

Скорген шумно, со свистом выдохнул:

– Да, это эдур. Полагаю, отбившееся от своих судно, потрепанное ураганом, который мы вчера видели на западе. Экипаж, наверное, болен или покинул судно на спасательных лодках-кнарри. Если так, то многое забрали с собой, а если нет, – он улыбнулся капитану почерневшими зубами, – мы сможем завершить то, что начал шторм.

– В любом случае, – сказала капитан, – мы поглядим. Командуй весла на воду, Скорген, но пусть впередсмотрящий крутит головой во все стороны.

Скорген взглянул на капитана:

– Думаете, могут появиться и другие?

Она скорчила гримасу:

– Сколько кораблей отправил император?

Скорген выпучил глаз и снова приложился к подзорной трубе.

– Думаете, это один из них? Странникова задница, капитан, если вы правы...

– Приказ ты получил, и, похоже, я должна снова напоминать, старший помощник: никаких ругательств на моем судне.

– Виноват, капитан.

Старший помощник торопливо направился отдавать распоряжения команде.

От полного штиля моряков охватывал своего рода суеверный трепет; казалось, громкий звук может расколоть зеркало моря.

Капитан слушала, как двадцать четыре весла погрузились в воду. Мгновение спустя раздалась приглушенная команда рулевого, и «Бессмертная благодарность» двинулась вперед. Тучи сонных мух взвились над кораблем, как только колыхнулась ровная поверхность моря. Проклятые создания, оказавшись на свету, старались снова найти темное убежище. Моряки кашляли и плевались – капитан им даже позавидовала, когда жужжащая туча закружилась

вокруг ее головы и бесчисленные насекомые поползли по носу, в уши, по глазам. Мало того что солнце и море, соединившись, подвергали унижению гордость и крохотную толику тщеславия, которую может позволить себе мертвая женщина, но мухи для Шурк Элаль представляли сущее наказание.

Пиратка, божественная немертвая, ненасытная шлюха, ведьма глубоких вод – ей везло с тех пор, как она впервые двинулась из гавани Летераса вниз по длинной широкой реке к западным морям. Та первая галера, изящная и гладкая, стала ее пропуском к славе, и Шурк до сих пор с тоской вспоминала галеру, захваченную эскортом маров в заливе Лафтеров. Впрочем, «Бессмертная благодарность» вполне ее устраивала. Великовата для немногочисленного экипажа, конечно, но по возвращении в Летерас эту проблему удастся легко разрешить. Жаль, что с ней уже нет Багровой гвардии, хотя, конечно, Стальные Прутья с самого начала однозначно заявил, что они только отработывают проезд. И все равно они стали огромным плюсом в том океанском переходе, не давая крови закиснуть и успокоиться. Захваченные торговые суда одно за другим обдирались до нитки, а потом, как правило, шли на дно. И дело не только в смертоносных мечях, но и в магии Корлоса – магии, куда более чистой и умелой, чем все, что Шурк доводилось видеть прежде.

Тот переход открыл ей глаза – и разум. Мир огромен. И во многих отношениях Летерийская империя, дитя Первой империи, оказалась тихой заводью – в мышлении, в стиле работы. Унизительное открытие.

Расставание со Стальными Прутьями и его воинством получилось не сильно эмоциональным. Честно говоря, Шурк Элаль тяготила их компания. Стальные Прутья не из тех, кто долго терпит субординацию. Разумеется, все иначе, когда он общается с друзьями, Поклявшимися из Багровой гвардии или с их легендарным командиром князем К'аззом. Но она не из Поклявшихся и даже не из их роты. Так или иначе, пока все шло гладко, Шурк старалась не лезть на рожон, чтобы не вызвать конфронтацию.

Наемников высадили под ледяным ливнем на каменистом восточном берегу земли, называемой Якуруку. В последний раз Шурк видела, как Стальные Прутья и его солдаты, двинувшись в глубь суши, наткнулись на дюжину спускающихся по изломанному склону воинов в массивных латах, в больших шлемах с опущенными забралами. Хотя выглядели они грозно, Шурк надеялась, что их воинственность показная. Серое полотно дождя закрыло подробности происходящего на берегу, когда Шурк возвращалась на весельной лодке на «Благодарность».

Скорген клялся, что расслышал звон клинков – легкое эхо – своим целым ухом, но сама Шурк не слышала ничего.

В любом случае пираты торопились убраться из этих вод, и Шурк утешала возбужденную совесть, вспоминая, как Стальные Прутья говорил о Якуруку со знанием дела – по крайней мере, упоминал название. Что же до истовых молитв Корлоса нескольким дюжинам божеств... ну, он склонен к театральности. Дюжина рыцарей – маловато, чтобы остановить Багровую гвардию, намеренную совершить то, что требуется; в данном случае пересечь Якуруку от берега до берега и подыскать себе другой корабль.

Да, мир огромен.

Весла бесшумно убрали, и «Бессмертная Благодарность» боком подобралась к брошенному кораблю эдур. Шурк Элаль, стоя у леера, изучала палубу судна из черного дерева.

– Сидит низко, – пробормотал Скорген.

– Удирали в беспорядке, – сказала Шурк Элаль, когда абордажные крюки впились в борт и линии натянулись. – Шестеро с нами, оружие наготове, – скомандовала она, доставая из ножен рапиру и забираясь на планшир.

Прыгнув, она легко приземлилась на середине палубы, в двух шагах от расщепленного основания грот-мачты. Тут же к ней присоединился Скорген, хрюкнув, а потом выругавшись – потревожил больную ногу.

– Тут была драчка, – сказал он, оглядевшись. Затем подхромал к борту, выдернул стрелу с расщепившимся древком и сердито оглядел ее. – Проклятие, короткая и толстая, наконецник прошибает щит с бронзовыми накладками. А оперение! Кожаное, как плавники.

Но где же тела? Хмурясь, Шурк Элаль направилась к рубке. Заметив, что крышка трюмного люка разбита, она отпихнула ее сапогом. Потом нагнулась и заглянула в темноту трюма.

Блеск воды, что-то плавает.

– Скорген, тут есть груз. Иди достань одну амфору.

Второй помощник, Нытик, крикнул с их собственного корабля:

– Капитан! Это корыто опустилось ниже с тех пор, как мы подошли.

Теперь она слышала тихое поскрипывание корпуса.

Скорген уцепил здоровой рукой ручку амфоры. Зашипев от натуги, он приподнял кувшин по пояс и выкатил его на палубу между собой и капитаном.

Великолепное изделие! Непривычная, кремовая глазурь спускалась к основанию, где черные кольца образовывали геометрические узоры на блестящем белом фоне. Но привлек внимание Шурк рисунок на боках амфоры. С одной стороны внизу была изображена фигура, прибитая к Х-образному кресту. У поднятой головы человека кружили сотни ворон, улетающие или прилетающие, прорисованные во всех подробностях. Собрались поживиться плотью несчастного? Покидали его, как последние, умирающие мысли?

Скорген достал нож и начал скovyривать воск, запечатавший пробку. Он очень быстро преуспел и вытащил затычку. И тут же отскочил в сторону – на палубу хлынула густая кровь. Совсем свежая, от нее поднимался цветочный аромат, острый и приторный.

– Пыльца кагенцы, – сказал Скорген. – Не дает крови свернуться. Эдур используют ее, когда красят храмы в лесу – знаете, на деревьях. Ну, не настоящие храмы, конечно. Ни стен, ни потолка, просто роша...

– Терпеть не могу старших помощников, которые любят болтать, – сказала Шурк Элаль. – Доставайте другие. Тут за одни кувшины мы выручим столько, что хватит на пару месяцев. – Она пошла к рубке.

Коридор был пуст, выломанная дверь рубки болталась на одной кожаной петле. По ходу Шурк заглядывала в боковые ниши и видела разобранные койки экипажа – все незанятые, но растрепанные, словно после обыска. В самой рубке тоже виднелись следы поисков, а на полу раскинулся труп эдур. Пригвоздив ладони и ступни несчастного к полу, кто-то основательно поработал над ним с помощью ножа. Рубка была наполнена вонью испражнений. Лицо мертвеца застыло в агонии, а выпученные глаза словно видели в смертный миг крушение веры.

Подошел Скорген и выругался, увидев труп.

– Его пытали. Пытали капитана. Это меруд, почти старейшина. Странник спаси, капитан, как бы на нас не подумали, если кто объявится тут до того, как посудина пойдет ко дну. Пытали. Не понимаю...

– Все просто. Им были нужны сведения.

– О чем?

Шурк Элаль огляделась.

– Они взяли журнал и карты. Ну, пираты могли бы так поступить, если они не из Летера, но тогда им незачем было пытать беднягу. И потом пираты забрали бы груз. Нет, тот, кто это сделал, хотел сведений – того, чего не узнать по картам. И на добычу им было плевать.

– Грязные скоты.

Она подумала про амфору с ее ужасным содержанием.

– Возможно, у них была веская причина, Скорген, пробить корпус. Но подождем поблизости. Черное дерево неохотно тонет; возможно, придется поджечь.

– Погребальный костер привлечет внимание, капитан.

– Риск, я понимаю. Выполнять.

Поднявшись на палубу, Шурк Элаль прошла на бак.

Чужие в море. Не дружат с тисте эдур. И все равно встречаться с ними не хочется.

– Скорген! Когда закончим, беремся за весла. Обрато к берегу.

Он вскинул брови в шрамах.

– В Летерас?

– А почему нет? Распродадим добычу и наберем экипаж.

Потрепанный человек улыбнулся.

Снова в Летерас, так точно.

Глава четвертая

Мятеж начался в то ужасное утро, когда сквозь густой туман, давивший нас десять дней, мы увидели поднимающихся над горизонтом на востоке многочисленных драконов. Непостижимо больших – головы выше солнца, тень от складчатых крыльев может поглотить весь Дрен. Это было чересчур страшно даже для самых закаленных солдат нашего отряда; от холодного взгляда темных глаз кровь отливала от сердца, гнулась сталь наших мечей и копий.

Войти в эту тень не осмелился бы и лучший воин Первой империи. Мы не могли принять такой вызов; и хотя я кричал в гневе и смятении, все это была лишь бравада, обязательная для командира экспедиции, и, честно говоря, я не собирался требовать от своих подчиненных мужества, которого мне самому не хватало. Никто не обратил внимания, что я сдался, возможно, слишком быстро, настолько все были рады свернуть лагерь, нагрузить мулов и двинуться на запад.
Тридис>Addаникт, «Четыре дня в диких землях»

Когда окружающий мир был жесток, когда без дара сотрудничества выжить было невозможно, изгнание убивало почти любого. Не было более тяжелого наказания у племен – хоть оул’данов, хоть д’рхасилхани, хоть керин. Но именно клановая структура предполагала смертельную бескомпромиссность и соответственно гарантированную гибель изгнанного, одинокого, лишённого всего, что придает жизни смысл. Жертвы съезжались, теряли все свои навыки, высыхали и умирали.

Летери, с их громадными городами, с суматохой бесчисленных лиц, были почти индифферентны к изгнанию. Разумеется, и их пугало моральное наказание – в конце концов, они жили в семьях, как все люди, – однако шрамы, нанесенные изгнанием, были излечимы. Другая деревня, другой город – можно начать все сначала, и для некоторых это само по себе становилось привычкой. И своего рода освобождением от ответственности.

Красная Маска, репутация которого среди оул была не запятнанной для многих поколений, пришел к выводу, что природа летерийцев – ненавистных врагов – все-таки запятнала его дух. Изгнание не стало смертным приговором. Изгнание превратилось в дар: он открыл для себя свободу – соблазн, который влек юных воинов в Летерийскую империю, где анонимность служила и проклятием, и раскрепощением.

Изгнанный, он ушел далеко и даже в мыслях не держал возвращаться. Он был уже не тот, что прежде, не сын своего отца, но вот кем он стал – осталось загадкой даже для него самого.

Новое лето набирало жар, и зайцы под безоблачным небом порскали от одного куста к другому, пугаясь летерийской лошади, а Красная Маска ехал по следу стада на северо-восток. Стадо, как он понял, маленькое. Время от времени рядом с дорогой попадались облепленные мухами родильные пятна – тут самцы родара собирались в защитный круг, пока новорожденный теленок не набирался сил, чтобы подняться на ноги. И клан, сопровождавший животных, тоже, видимо, был невелик.

Телохранителей Красной Маски, к’чейн че’маллей, не было видно, впрочем, как всегда. Рептилии обладали непомерным аппетитом. В это время года дикие бхедерины, зимующие в небольших лесах, – быки-одиночки, крупнее своих родичей на равнинах юга, – выбирались из укрытия в поисках пары. Весом больше двух летерийских быков, воинственные и жестокие бхедерины бросались на любого, кто подойдет слишком близко, кроме самки своего вида. Саг’Чурок с удовольствием принимал громогласный вызов – Красная Маска видел это по медленному похлопыванию хвоста; к’чейн че’малль вставал на пути быка, высоко подняв сталь-

ные клинки. Как ни быстр бхедерин, а к'чейн че'малль быстрее. И каждый раз, убив животное, Саг'Чурок тащил добытую тушу к Гунт Мах и ждал, пока она насытится.

Красная Маска ехал весь день не спеша, чтобы зря не утомлять лошадь. Когда солнце начало клониться к горизонту, осветив далекие грозовые тучи, показался лагерь оул'данов, расположенный на старом острове между двумя высохшими руслами реки. Стада стояли по краям долины с двух сторон, а посередине виднелись куполообразные, сшитые из шкур жилища-типи. Дым от множества очагов устилал равнину.

Ни дозорных, ни пикетов. И лагерь велик для стада таких размеров.

Красная Маска въехал на гребень и стал изучать сцену внизу. То и дело доносилось ритуальное причитание. Между хижинами мелькали дети.

Через некоторое время его, сидящего неподвижно в высоком летерийском седле, заметили. Внезапные крики, торопливое движение в сгущающемся сумраке – и из лагеря неспешным шагом выехали полдюжины воинов.

А лагерь торопливо снимался: из затапываемых костров сыпались искры, кожаные бока типи шли волнами.

За шестеркой воинов спешили пастушья и ездовые собаки.

Воины оул приближались, и Красная Маска заметил, что они все очень молоды. Лишь год или два прошло со Смертной ночи. И ни одного ветерана. Где старейшины? И где поплечники?

Остановившись шагах в пятнадцати по склону, шесть воинов начали переговариваться свистящим шепотом, потом один из них повернулся к лагерю и пронзительно что-то крикнул. Суэта внизу прекратилась.

Лица повернулись к Красной Маске. Ни одному из воинов, похоже, не хватало духу подойти поближе.

Собак меньше пугало присутствие одинокого воина; рыча и ошетинив загривки, они собрались перед ним полукругом. И вдруг, уловив неожиданный аромат, животные попятнулись, поджав хвосты и жалобно скуля.

Наконец вперед шагнул молодой воин:

– Нет, ты не можешь быть им.

Красная Маска вздохнул:

– Где ваш вождь?

Молодой воин набрал воздуху в грудь и расправил плечи:

– Я – вождь этого клана. Масарк, сын Найруда.

– Когда была твоя Смертная ночь?

– Все эти старые обычаи... – Масарк осклабился. – Мы давно отказались от таких глупостей.

Заговорил другой воин, стоящий за спиной вождя:

– Старые обычаи подвели нас! Мы их отбросили!

Масарк продолжил:

– Сними маску; она не для тебя. Ты хочешь обмануть нас. Под тобой летерийская лошадь – ты шпион управителя.

Красная Маска ответил не сразу. Скользнув взглядом по вождю и его воинам, он вновь уставился на лагерь внизу. На краю собиралась напряженная толпа. Красная Маска, помолчав два десятка ударов сердца, проговорил:

– Вы не выставили пикетов. Рота летерийцев может пройти вдоль хребта и ударить вам в середину, и вы не успеете подготовиться. Женщины громко плачут от горя, а звук в такую тихую ночь разносится на лиги. Твои люди голодают, вождь, и все же палят лишние костры – дым висит тучей, отражая свет. Вы отбраковываете новорожденных родара и миридов, вместо того чтобы забивать стареющих самцов и самок. У вас явно нет поплечников; если бы они

были, то похоронили бы тебя в земле и устроили Смертную ночь, чтобы ты возродился заново, с новой, надо надеяться, мудростью – мудростью, которой тебе явно не хватает.

Масарк ничего не ответил. Он наконец разглядел оружие Красной Маски и прошептал:

– Ты... Ты вернулся к оул'данам.

– Что это за клан?

– Красная Маска, – сказал вождь, поведя рукой в сторону лагеря. – Это... это твой клан.

Не получив никакого ответа от всадника, Масарк добавил:

– Мы, только мы – все, что осталось. У нас нет поплечников, Красная Маска. Нет ведьм. Он показал рукой на стада по бокам долины.

– Животные, которые ты видишь, – других нет. – Он помолчал, потом снова расправил плечи. – Красная Маска, ты молчишь, и мне понятно, что ты видишь истину. Великий воин, ты опоздал.

Даже теперь Красная Маска ничего не ответил, лишь спешил. Окружавшие его собаки, поджав хвосты, то ли учуяли новый запах, то ли услышали что-то во мгле и внезапно, рассыпавшись, помчались вниз по склону, к лагерю. Паника, похоже, охватила и стоящих перед ним воинов, но ни один не убежал, хотя на лицах читались страх и смятение.

Облизав губы, Масарк произнес:

– Красная Маска, летери уничтожают нас. На передовые лагеря совершены нападения, поселенцы перебиты, стада угнаны. Клана эндинаров больше нет. Остатки севондов и ниритов приткнулись к гейнтокам – только гейнтоки остались сильны; эти трусы ушли дальше всех на восток и заключили договор с иноземцами...

– С иноземцами. – Глаза прищурились в прорезях красной маски. – С наемниками.

Масарк кивнул:

– Была грандиозная битва четыре года назад, и иноземцы были уничтожены. – Масарк повел рукой. – Серое чародейство.

– А летери не двинулись затем победоносным маршем на лагерь гейнтоков?

– Нет, Красная Маска, у них осталось мало воинов – иноземцы сражались отчаянно.

– Масарк, – сказала Красная Маска, – я не понимаю. Разве гейнтоки не сражались бок о бок с наемниками?

Юноша плюнул.

– Вождь гейнтоков собрал пятнадцать тысяч воинов из всех кланов. А когда появились летерийцы, бежал, и воины за ним. Иноземцев бросили! Обрекли на бойню!

– Успокойте лагерь, – велел Красная Маска. Он показал на воинов за спиной Масарка. – Первый пост будет на этом холме, здесь и к западу. Теперь я вождь клана ренфайяров. Масарк, где прячутся гейнтоки?

– Семь дней пути на восток. У них теперь последнее крупное оул'данское стадо.

– Масарк, ты оспариваешь мое право быть вождем?

Юноша покачал головой:

– Ты – Красная Маска. Старейшины ренфайяров, которые были твоими врагами, уже мертвы. И их сыновья мертвы.

– Сколько воинов осталось у ренфайяров?

Масарк нахмурился, потом махнул рукой:

– Мы перед тобой, вождь.

– Шесть.

Кивок в ответ.

Красная Маска заметил ездового пса, одиноко сидящего на краю лагеря и словно изучающего пришельца. Красная Маска поднял левую руку, и животное пришло в движение. Громкий кобель молниеносно приблизился и, прижавшись грудью к земле, опустил широкую,

покрытую шрамами голову между ступней Красной Маски. Тот нагнулся и потрогал морду пса; любой другой лишился бы пальцев. Пес не шевельнулся.

Масарк смотрел во все глаза.

– Единственный выживший, – сказал он, – из передового лагеря. Никого к себе не подпускал.

– А у иноземцев, – тихо спросил Красная Маска, – были боевые псы?

– Нет. Но они были верными последователями Волков войны, и, честное слово, вождь, похоже, эти коварные злобные звери следовали за ними. Пока старейшины гейнтоков с помощью магии не прогнали их прочь. – Масарк помедлил и сказал: – Красная Маска, вождь гейнтоков...

Невидимые под маской губы сложились в улыбку.

– Первенец Капалаха. Хадральт.

– Откуда ты знаешь?

– Завтра, Масарк, мы поведем стада на восток, к гейнтокам. Мне нужно больше узнать об этих злополучных иноземцах, решивших сражаться за нас. Решивших умереть за Оулдан.

– Мы приткнемся к гейнтокам, как севонды и нириты?

– Вы голодаете. Стада слабы. Я возглавляю шестерых юнцов, из которых ни один не прошел Смертную ночь. Всемером идти воевать с летери?

Несмотря на молодость, Масарк был явно не глуп.

– Ты бросишь вызов Хадральту? Красная Маска, твои воины погибнут – мы погибнем. Нас слишком мало, чтобы противостоять сотням противников, которые бросятся на нас. А когда мы погибнем, тебе придется самому столкнуться со всеми, еще до того, как тебя сочтут достойным скрестить оружие с самим Хадральтом.

– Вы не умрете, – сказал Красная Маска. – И вы ни с кем не будете сражаться.

– Ты собираешься пробиться через тысячу воинов, чтобы встретиться с Хадральтом?

– Какой смысл, Масарк? Эти воины мне нужны. Убить их – непростительное расточительство. Нет. – Помедлив, он продолжил: – У меня есть охранники, Масарк. И вряд ли хоть кто-то из гейнтоков осмелится бросить им вызов. Хадральту придется биться со мной один на один, в кругу.

– Гейнтоки блюдут старые обычаи, вождь. Начнут проводить ритуалы. Многие дни уйдут, прежде чем будет готов круг...

– Масарк, мы должны воевать с летери. Каждый воин оул...

– Вождь! Они не пойдут за тобой! Даже Хадральт управляет только третью из них, и то плата им ополовинила его стада родара и миридов! – Масарк махнул в сторону жалких стад на склоне холма. – А мы... у нас не осталось ничего! Ты не наберешь и сотни воинов!

– Масарк, у кого самые большие стада?

– У самих гейнтоков...

– Нет. Спрашиваю еще раз, у кого самые большие стада?

Юноша нахмурился:

– У летерийцев.

– Я отправлю трех воинов сопровождать остатки ренфайяров к гейнтокам. Выбери двух своих воинов, они пойдут с нами. – Ездовой пес поднялся и встал сбоку. Красная Маска подобрал поводья и направил лошадь к лагерю. Пес двинулся рядом. – Мы отправимся на запад, Масарк, и найдем себе новые стада.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.